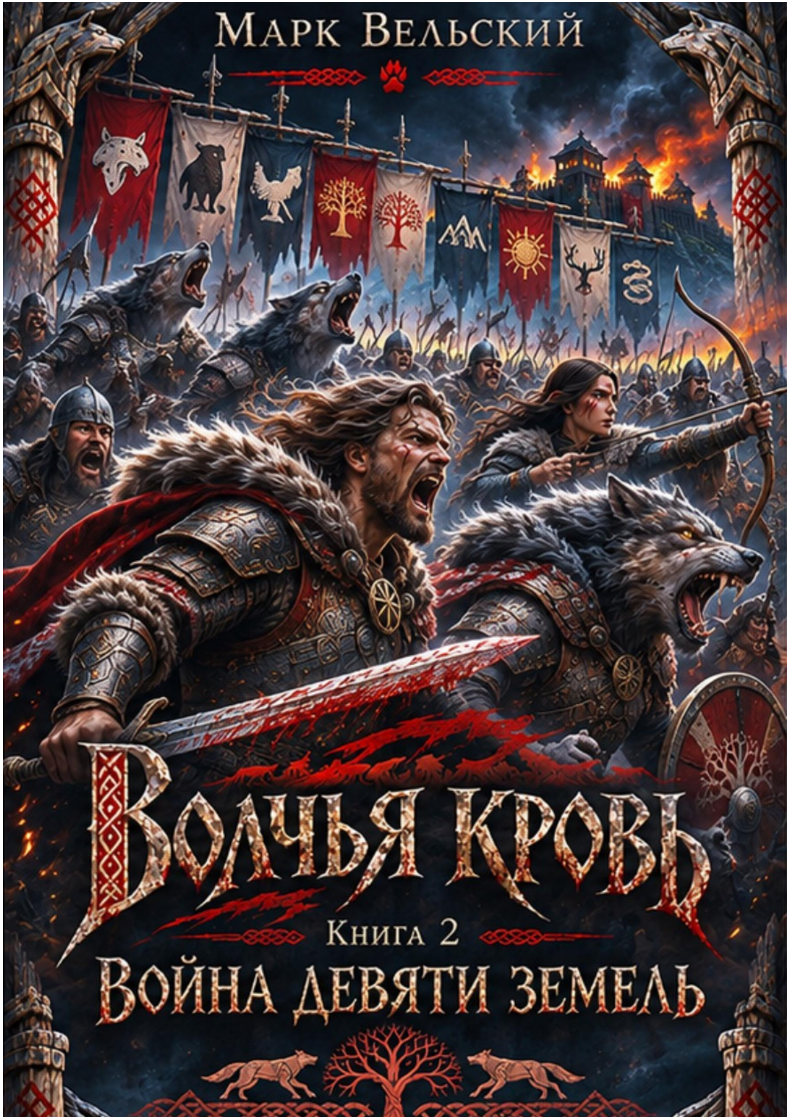

Марк Вельский
Волчья кровь
Книга 2
Война девяти земель

Марк Вельский

Волчья кровь. Война девяти земель

https://litres.ru/74708479
SelfPub; 2026

Аннотация

Девять земель охвачены войной. Княжеская власть рушится, вчерашние союзники поднимают оружие друг против друга, а по городам распространяются приказы, которых никто не отдавал.

Но страшнее вражеских армий новая сила, способная отнять у человека не только имя, но и память о собственной жизни.

Ратмир Сивый и его волчья стая оказываются в самом сердце войны. Им предстоит защищать города, прорывать осады и сражаться с врагом, который научился превращать чужие воспоминания в оружие.

Волчья кровь даёт им силу, перед которой отступают целые отряды. Но каждое превращение забирает часть прошлого. А когда над Белояром сомкнётся кольцо вражеских войск, стае придётся решить, чем она готова пожертвовать ради победы.

Вторая книга трилогии «Волчья кровь». Тёмное эпическое фэнтези о войне, верности и цене звериной силы.

Содержание

Глава первая. Две печати 4
Глава вторая. Пустое княжье место 17
Глава третья. Цена переправы 24
Глава четвёртая. Средняя доска 35
Глава пятая. Места за столом 56
Глава шестая. Четыре знамени 69
Глава седьмая. Земля под четырьмя огнями 82
Глава восьмая. Три колоса 93
Глава девятая. Чернила на ладони 103
Конец ознакомительного фрагмента. 114

Марк Вельский
Волчья кровь. Война девяти земель

Глава первая. Две печати

На шестое утро после ухода из Белояра дружина наткнулась на обоз, перегородивший дорогу.

Три телеги поставили ось к оси, между колёсами навалили мокрый хворост. По ту сторону преграды люди в овчинах грелись у плохо разведённого огня. У одного был длинный рогатинный наконечник, привязанный к шесту верёвкой. Другой держал хлебную лопату.

Невзор остановился первым.

— Семеро на дороге, — произнёс он. — Двое в кустах слева. Справа никого, но там болотина. Телеги нарочно поставили, чтобы по обочине не объехали.

— Какое гостеприимное место, — сказал Берест. — Сразу видно: хозяева не ждут гостей.

Ратмир поднял руку, и двенадцать новых бойцов послушно замерли. Молодой северянин по имени Драгун, которого Невзор учил замечать следы, едва не налетел на задние сани.

— Я видел только пятерых, — признался он.

— Значит, двое тебя уже убили, — ответил Невзор. — В следующий раз смотри, куда не смотрят остальные.

Ольша натянула поводья здоровой рукой. На обожжённых пальцах под шерстяной повязкой выступила кровь. Она перехватила ремень зубами и не пожаловалась. Ждан заметил, но промолчал до остановки.

Ратмир шагнул к прегради без топора.

— Кто здесь старший?

Люди переглянулись. Из-за крайней телеги вышла широкоплечая женщина с обожжённой щекой. На тулупе поверх груди у неё висели две связки ключей.

— Смотря кому нужен старший.

— Мне. Хочу провести людей и лошадей на восток.

— У вас знак княжеской службы?

— Нет.

— У каждого теперь нет, — сказала женщина. — А требуют одинаково.

Она показала на две берестяные грамоты, приколоченные к ободу. Каждая была скреплена тяжёлым кругом красного воска. На одной стоял девятикрылый сокол Всевлада; на другой — тот же сокол, только крыло было повернуто вверх. Издали различия не заметить.

— Читай, — сказал Ратмир Гостяте.

Писарь подошёл близко, не касаясь бумаги. Над левым плечом у него сразу возникла Любава с маленькой дорожной книжкой.

— Первая велит собрать хлеб для Белояра, — прочитал Гостята. — Подписана Гориславом Острогом. Вторая запрещает выдавать хлеб Гориславу и велит ждать управителя восточных земель. Подпись та же.

— Какая из них настоящая? — спросила женщина.

Гостята не ответил. Он присел, достал тонкую костяную лопаточку и осторожно приподнял край первой печати.

— Когда привезли?

— Одну в прошлую седмицу, вторую наутро. Оба гонца клялись, что дорогу знают от самого Белояра. А вчера пришли четыре конных и забрали половину овса. По первой бумаге. Увезли на восток.

Млада взглянула на Ратмира.

— От Белояра до этого брода шесть дней даже налегке. За прошлую седмицу гонец добрался бы, если вышел раньше нас. Со второй быстро управились.

— Если только печати не делали здесь, — заметил Гостята.

Женщина вскинула подбородок.

— Меня Зоряной зовут. Я держу постоялый двор в Липовом Броде. Не пробуйте говорить, будто мы сами придумали бумагу. За последние три дня с каждого двора взяли по мешку зерна. Староста пошёл жаловаться — его нашли в канаве.

— Кто нашёл?

— Его дочь. Что за вопрос?

— У неё спросим, — сказал Ратмир.

— А у мёртвого тоже спросите?

Ратмир выдержал её взгляд.

— Нет.

Сзади зашуршали кожаные ремни. Новобранцы, разглядев волчью шкуру на плечах командира, зашептались: на мосту так много людей, потому что они боятся именно волчьих. Зоряна тоже смотрела на шкуру, но не отступала.

— Мы не ищем зерна, — сказал Ратмир. — Нам нужна дорога и те, кто видел гонцов.

— Дорога достанется, когда узнаем, чьи вы. Сначала оружие сложите.

Берест громко рассмеялся.

— Нам предложили сложить оружие хлебной лопатой. Сильное начало.

— Берест, — произнесла Млада.

Он замолчал. Женщина за преградой не улыбнулась.

За спиной Зоряны выскочил мальчишка с обмотанной тряпкой рукой.

— Тётка, у них девушка! — закричал он. — Та, с книжками! Пусть к мосту подойдёт!

Любава взяла Гостяту за рукав.

— Мне?

— Не знаю, — ответил тот. — Не ходи одна.

Мальчик тем временем протискивался мимо телеги. Ему было лет двенадцать, не больше. Лицо красное от ветра, на подбородке свежая царапина.

— Скажи, как отца моего звали, — потребовал он у Любавы.

— Я тебя не знаю.

— А они сказали, что все имена у вас. Значит, у тебя должны быть.

Он вытащил из-за пазухи свёрнутую бересту. На ней неровно был выведен один и тот же знак: пустой круг. Под ним — два имени, оба мужские, оба перечёркнуты.

Зоряна успела к мальчику и схватила его за ворот.

— Митенька, убирайся!

— Я вчера другое помнил! — закричал тот. — Он у печки сидел, шапку штопал! А сегодня не знаю, какой у него голос!

Ждан пошёл к ним, опираясь на посох. Ратмир дал ему пройти.

— Кто касался мальчика? — спросил лекарь.

Зоряна крепче прижала племянника к себе.

— Никто. Он после похорон такой.

— Покажи руку.

Мальчик заупрямился, но Ждан не потянул повязку. Подождал, пока тот сам вытянет кисть. На запястье виднелся тонкий след, будто от узкого металлического браслета. Кожа уже подсохла, а по краям оставались чёрные точки ожога.

— Кто ставил кольцо?

— Человек в тёмной шапке. Сказал, если я вспомню имя отца, он найдёт виноватых. Я вспомнил. Потом он сказал назвать ещё раз. А потом... — Мальчик потёр здоровой ладо-

нью нос. — А потом не смог.

Ольша соскочила с лошади.

— Ждан, отведи его к огню. Холодно тут. И покажи пальцы: слишком глубоко кольцо врезалось.

— Сама ты от огня отойди, — ответил Ждан. — У тебя повязка мокрая.

Зоряна пропустила мальчика и лекаря через заграждение, но остальным путь не открыла.

В ту же минуту один из дозорных слева свистнул.

— Четверо всадников! С востока!

Невзор бросил взгляд на лесную опушку.

— Пятеро. Последний ведёт ещё лошадь в поводу.

Зоряна побледнела.

— Это они. Вернулись.

Люди потянулись к телегам. Млада сдвинула их к краю дороги так, чтобы по центру оставался лишь узкий проход. Берест поднял с земли соскользнувшую с рогатины верёвку и завязал узлом, который легко распустить одним движением.

— На случай, если нам придётся очень быстро перестать быть гостеприимными, — объяснил он Зоряне.

Всадники появились из-за поворота без спешки. Их плащи были разных цветов; одинаковыми оказались только медные жетоны на ремнях. На жетонах — пустой круг и короткая зарубка снизу.

Впереди ехал молодоватый человек с узким носом и опалённой бородой. Он увидел волчьих у преграды и осадил ко-

ня.

— Дорогу, — потребовал он. — По распоряжению великокняжеского смотрителя.

— Имя смотрителя? — спросил Ратмир.

— Не твоё дело.

— Дорога пока свободная. Имя спросить могу.

Всадник скользнул взглядом по меху, по топору в ножнах, по старому шраму у виска.

— Я узнал тебя. Сивый. Награду за твою голову ещё не отменяли.

— Кому её выдавать — не знаешь, — сказала Млада. — Вот беда.

Всадник не удостоил её ответом. Из-за пазухи он достал сложенную грамоту и развернул её к Зоряне.

— Отдай семь мешков ржаной муки, весь овёс и мальчишку. С ним дело не закончено.

На миг стало слышно, как трещит сучок в огне.

— Мальчишка никуда не поедет, — сказал Ждан. Он стоял по ту сторону повозок рядом с огнём, положив раскрытую сумку на колено. В руке у него была чистая тряпица, не оружие.

— Лекарю заплатим, — бросил всадник.

— За что?

— Чтобы не мешал.

— Для этого меня не нанимали.

Всадник тронул коня. Ратмир не поднял топора. Только

шагнул к его правому стремени.

— Покажи печать.

— Ты кто такой, чтобы её проверять?

— Человек, который стоял при князе, когда эту печать отнимали у тех, кто хотел его именем убивать. Покажи.

Всадник рванул повод. Конь ударил копытом в мокрую землю; Ратмир не отшатнулся. Другой всадник перехватил короткий лук.

Невзор произнёс негромко:

— Драгун, левый. Не стреляй первым. Если потянется к тетиве — бей по луку, не по человеку.

Юноша облизнул губы. Лук в его руках дрожал.

Посыльный на коне вдруг улыбнулся.

— У меня здесь двадцать свидетелей. Все видят, как волчьи мешают законному сбору хлеба. Что ты станешь делать, Сивый? Перережешь нас при них?

— Нет, — ответил Ратмир. — Прочту бумагу.

И потянулся к свитку.

Посыльный ударил его плетью по лицу. Ратмир перехватил ремень у самой рукояти и дёрнул. Всадник вылетел из седла на колени. Остальные трое разом потянулись к оружию. Берест перевернул переднюю телегу за оглоблю: она осела набок, закрыв проход. Свистнула стрела, ударила в колёсную ступицу. Драгун по приказу Невзора выстрелил в поднятый лук — наконечник скользнул по дереву, но заставил стрелка уронить стрелу.

Млада одним движением вытянула нож, которым резали верёвки на санях. Она не метала его: подскочила к крайней лошади, отсекла узду от железного кольца, и испуганное животное попятилось между двумя вооружёнными людьми. Те разошлись в стороны. Ольша толкнула под ноги ближайшему копьеносцу ведро с золой. Он поскользнулся и упал лицом в мокрую траву.

Пятый всадник, держась за повод запасной лошади, не обнажил клинка. Он смотрел на Митеньку так, будто видел не ребёнка, а потерянный кошель.

Ратмир притиснул главного посыльного к ободу повозки.

— Где смотритель?

Тот сплюнул кровь.

— К кому служишь, того и назову.

— Значит, без имени.

Ратмир вынул у него грамоту и отошёл. Вскочивший посыльный успел схватиться за нож, но Зоряна ударила его деревянной лопатой по плечу.

— Ты мне за овёс ещё должен, — сказала она.

Остальные увидели, что пути вперёд нет, а сзади стоят вооружённые, но не нападающие люди. Поднятые копья постепенно опустились.

Пятый всадник первым предложил сложить оружие.

— Мы везём бумаги, — проговорил он. — Не воюем.

— Только мальчиков забираете, — ответила Любава.

Он посмотрел на неё и отвёл глаза.

Гостята принял грамоту двумя пальцами за сухой угол. Прочёл молча, вернулся к первой из тех, что висели на телеге. Сравнил печати. Затем достал из сумки белоярскую копию последнего приказа Гориславa.

— Посмотрите сюда, — сказал он Ратмиру. — У Гориславa треснувший край печати. После битвы ему изготовили другой оттиск, без этой трещины. На их бумагах трещина есть.

— Старую печать украли?

— Старую форму могли скопировать. Но бумага датирована четвёртым днём после нашего ухода. Тогда новую уже использовали в Белояре.

— Выходит, подделка.

— Выходит, человек, который её делал, знал старую форму. Этого мало, чтобы понять, кто дал приказ.

Посыльный с опалённой бородой засмеялся.

— Да вам никто не поверит. У вас на дороге только топоры да девчонка с книжкой.

Гостята повернулся к Зоряне.

— У вас есть человек, который видел выдачу зерна? Кроме вас.

— Половина деревни видела.

— Выберите двоих. Пусть назовут мешки, меру и кому их отдали. Я запишу отдельно, не подсказывая.

Любава присела рядом с мальчиком. Он рассматривал красный оттиск, лежавший на ободе, и вдруг дотронулся до

своей руки, там, где оставалось кольцевое пятно.

— Он вчера не в первый раз приходил, — сказал он. — В позапрошлую весну тоже. Только говорил тогда голосом моего дяди.

Тихон, стоявший возле сестры, напрягся. Не от голоса дяди — от выражения её лица. Любава не испугалась. Лишь попросила Митеньку вспомнить цвет коня, на котором приехал человек, и место, где тот оставил повод.

— К людям, у которых на всё есть бумага, нужен человек, у которого найдётся память, — тихо сказала она.

Тихон взглянул на неё.

— Запиши его слова сама.

— Уже пишу.

К полудню Зоряна велела откатить телеги к обочине. Двух задержанных посыльных она заперла в кладовой собственного двора, двоих заставила разгружать овёс под присмотром соседей. Пятый, тот, что не поднял оружия, согласился остаться свидетелем. Он называл себя Харитоном и утверждал, что нанялся конюхом за день до дороги; знал только число мешков и место, где должен был встретить следующего сборщика.

Млада хотела связать всех пятерых и везти с собой. Ратмир отказался: двенадцать новичков, раненый разведчик и полдюжины саней не выдержали бы ещё пяти пленных. Кроме того, Зоряна показала четыре крепких замка и людей, готовых их охранять.

— По какому праву оставишь их тут? — спросила она.

— По твоему, — ответил Ратмир. — Это твой двор. Только не отдавай их следующему, кто привезёт красивый воск. Я пришлю за ними людей из Белояра.

Зоряна прищурилась.

— А если мне прикажут повесить?

— Тогда пошли к Гориславу гонца. Пусть он сам разберётся, чей приказ.

Она посмотрела на рукоять его топора, потом на лицо.

— Когда ещё кто-нибудь спросит бумагу, я сперва спрошу, откуда он. Так лучше?

— Для начала.

К вечеру Ждан сменил Митеньке повязку. Под ней оставались два отчётливых следа — круглый от кольца и прямоугольный от медной пластинки. Травма была не опасна для руки, но память мальчика продолжала сбоить. Он мог назвать имя покойного отца по записи, однако не узнавал дом, где тот прожил тридцать лет.

Гостята оставил Зоряне список отданного хлеба, а показания о сборщиках и снятые печати отправил в Белояр с посыльным и двумя охранниками. Тихон проверял имена по её ответам; Любава молча положила рядом свои заметки.

Ратмир стоял у дороги, когда Невзор подвёл к нему Драгуна.

— Мальчишка лук поднял вовремя, — сказал разведчик. — Промахнулся по оружию, но не по приказу.

— Сильно дрожал, — возразил Драгун.

— Будешь дрожать и в следующий раз. Удержи только стрелу.

Драгун ушёл, а Невзор остался. Под полой плаща у него туго лежала перевязанная левая рука.

— Не нравится мне, что они приехали с востока, — произнёс он. — Дорога без следов большого отряда. Значит, берут местных по одному. Ни знамени, ни обоза. И каждый знает лишь следующий двор.

— Завтра пойдём по следу увезённого овса, — сказал Ратмир. — Пока их обоз не смешался с другими. Мне нужен двор, где сходятся эти дороги.

Невзор кивнул на задержанных.

— Не они.

На запад уходил гонец с письмами к Гориславу. Восточнее начинался дубовый лес; в нём дорога разделялась на две, обе ещё недавно считались княжескими.

На придорожном столбе возле развилки кто-то свежей охрой вывел: «ЗДЕСЬ СЛУЖАТ ЗАКОННОМУ КНЯЗЮ».

Ни имя князя, ни название земли под надписью не стояли.

Глава вторая. Пустое княжье место

В Белояре княжеское кресло вынесли из зала ещё до рассвета.

Делали это четверо плотников. Двое держали спинку, третий поднимал резные ножки над порогом, четвёртый руководил и всякий раз опаздывал с советом. Одна ножка задела притолоку и отломилась вместе с позолоченным звериным когтем.

— Говорил же, боком, — буркнул четвёртый.

Горислав Острог, ожидавший у стены, подхватил обломок.

— Кресло поставьте в кладовую. Коготь оставьте мне.

— Оно ведь княжеское.

— Я знаю. Потому и не сжигаем.

Когда плотники ушли, он положил коготь в карман. На месте кресла осталось светлое пятно на полу, не затронутое копотью после недавнего пожара. Весь остальной зал был серым. На окне вместо слюдяных пластинок пока висела промасленная кожа.

Мировета стояла у длинного стола, раскладывая печати по цветным кускам сукна. Северная княгиня приехала в зал без своей дружины. Только Добрын с двумя охранниками ждал у наружной двери, а Лисава сидела на скамье у окна и разминала пальцы перед письмом.

— Зачем кресло убрали? — спросила Мировета.

— За него вчера дважды подрались, — ответил Горислав. — Сначала боярский сын с посадником, потом два посадника друг с другом. Сколько лет мирно смотрели на княжескую спину — а теперь всем понадобилось сидеть лицом к народу.

Мировета поправила стопку грамот.

— Пусть спорят о столе. На нём хотя бы можно разложить доказательства.

С улицы доносился гул. Торговые ряды ещё не открылись, но перед дворцом собралась толпа. Кто-то требовал казни Всевлада. Кто-то — вернуть князя, потому что под новой властью плохо выдавали муку. У дворцовых дверей торговцы с пустыми мешками теснили бывших княжеских слуг.

— Ночью возле ворот нашли мёртвого дозорного, — сказал Горислав. — Из тех, что стерегут бывших белых. Яромил осмотрел. Ни раны, ни крови. Лежал на спине с раскрытыми глазами. Во рту — кусок воска.

— Печать?

— Нет. Обычный воск. Жевал, пока не подавился. При нём было письмо, будто бы от жены. Она погибла прошлой зимой. Яромил узнал почерк — сам оформлял её смерть.

Лисава спрятала письмо в сухой короб. Стражники уже называли смерть дозорного проклятием Всевлада; снаружи требовали вывести князя на площадь.

— Я хочу, чтобы он дожил до суда, — сказал Горислав.

— Тогда сегодня мы выбираем, кто вправе его судить, —

ответила Мировета. — Только это. Иначе у ворот начнётся казнь без приговора.

В зал вошли белоярские бояре, городская старостиха, кузнец с перевязанной шеей и человек из монастыря. Добромир, старший дворового совета, остановился перед светлым пятном, оставшимся от княжеского кресла.

— Ты не князь, чтобы убирать престол, — сказал он Горославу.

— Потому и убрал. Не за ним мы сегодня собрались.

Старостиха от пекарей положила перед боярином пустой мешок: пока они спорили о власти, городу обещали хлеб сразу по двум несовместимым приказам. Яромил принёс сами письма. Оба были подписаны Всевладом; одно оставляло северян в Белояре, другое требовало выгнать их до нового месяца.

— По чьей печати кормить людей? — спросила старостиха. Добромир потянулся к первому письму, но Мировета отвела его руку.

— Печати разберут позже. Город назовёт своих представителей, земли — своих; Всевлад будет отвечать, но не выбирать судей. Волчьих выслушаем как свидетелей отравленного пира. Пока никому не позволю занять его место.

Добромир хотел возразить, однако за окнами запели крикливую песню о казни князя. Горислав приказал пропустить Всевлада через внутреннюю дверь, прежде чем толпа дойдёт до двора.

Вскоре из северной двери привели Всевлада.

Он шёл без цепей, но за каждым его шагом следовали двое горожан с копьями. Тяжёлый старый плащ заменили обычной тёмной свитой. На руках не было ни перстня, ни браслетов. Лицо князя постарело за несколько дней больше, чем за прежние годы войны.

Добромир опустился на одно колено. Остальные остались стоять.

Всевлад остановился у порога.

— Значит, кресло сломали.

— Одну ножку, — ответил Горислав.

— У вас плохо с ремесленниками.

— С плотниками хорошо. С прежними хозяевами хуже.

Мировета велела Всевладу сесть на простую скамью. Бывший князь оценил её взглядом, как оценивают лошадь перед дальней дорогой: выдержит ли.

— Мне разрешат говорить? — спросил он.

— Вопрос пока один. Признаёшь ли ты, что отдал приказ отравить волчьих во время пира?

Добромир шумно втянул воздух.

Всевлад медленно провёл большим пальцем по пустому месту на ладони, где раньше лежал перстень.

— Да.

Никто не успел заговорить, и Мировета воспользовалась тишиной.

— Лисава, запиши дословно. А теперь пусть князь скажет,

кто готовил яд и по чьему распоряжению.

Всевлад посмотрел на старую хранительницу хроник.

— Приказ был мой. Готовил повар, которого после пира нашли мёртвым. Я не знал, кто его убил.

— Повар не может ответить, — заметила старостиха.

— Не может, — согласился Всевлад.

Добромир ухватился за признание князя, словно оно возвращало ему прежнюю власть.

— Пока вы разбираете прошлое, на востоке уже назначают нового князя. Кто наследует тебе, государь?

— Вот какой ответ тебе нужен, — сказал Всевлад. Он не назвал наследника. Мировета пресекла спор: вопрос о престоле не оправдывал отравление и не возвращал Добромиру права раздавать казну.

Кузнец с бинтом наконец шагнул вперёд. Он держал в ладони маленький обгоревший зубец от замка.

— Мой сын был в речной башне, — сказал он. — Когда ваши люди жгли нижние ворота, его вытащили волчьи. Теперь он не узнаёт меня, когда просыпается. Я не хочу, чтобы этот человек снова управлял нашим городом. Но если мы его здесь убьём, кто расскажет, где держали тех детей?

Всевлад поднял голову. Казалось, что кузнец его удивил, хотя сам вопрос он слышал уже много раз.

— Я не знаю всех мест, — произнёс князь.

— Сколько знаешь — назови, — ответил кузнец.

Лисава перевернула чистый лист.

До полудня перечисляли названия мастерских, старых амбаров и застав, куда отправляли пленных. Три названия никто из городских писцов не мог найти на карте. При одном Мировета стиснула губы: место лежало близ северной границы, где после войны исчезли два селения. Лисава поставила рядом знак сомнения. Всевлад не возражал.

Снаружи ударили в ворота. Добрын сообщил: около сотни человек, у переднего двора две телеги с дровами, толпа грозит поджечь башню, если Всевлада не выдадут.

Мировета велела привести владельца телег. Тот, дрожа, признался, что думал, будто дрова покупают для пекарни. Заплатил посадский счётчик, ещё вчера просивший вернуть ему полномочия по грамоте с подписью князя. Женщина с пустым рукавом указала на брата счётчика: утром он защищал князя, вечером уже требовал казни.

— Счётчика найти живым. Дрова вернуть пекарям, — сказал Горислав. Стража вытолкнула телеги из толпы, прежде чем огонь добрался до колёс.

Лисава поднесла к свету оба южных приказа. На каждой печати обнаружился одинаковый надрез, оставленный ножом. Бумаги изготовили вместе, чтобы столкнуть людей, исполняющих противоположные повеления.

Всевлад посмотрел на приказы и не стал отпираться: его именем многие годы пользовались те, кому он позволял распоряжаться за него. Мировета отправила Ратмиру вызов для свидетельства и предупреждение: на восточном тракте соби-

рают войско.

Всевлад усмехнулся, увидев ворох бумаг: раньше ему хватало одной печати, теперь каждый требовал своей. Горислав молча положил перед ним обломанный позолоченный коготь от княжеского кресла. Князь отказался его брать.

Когда Всевлада увели, Лисава задержалась у окна. Внизу торговали новыми красными печатями, на которых вместо сокола был пустой круг. Охранники оттеснили торговцев от дворца, но те тут же разошлись по переулкам. Вечером гонец выехал к Ратмиру по восточной дороге.

Наутро возле дома счётчика нашли кошель с платой за дрова. На каждой монете княжеского сокола кто-то старательно стёр ножом.

Глава третья. Цена переправы

На Яровом Перевозе хлеб продавали по количеству ладоней.

Пекарка разрезала круглую буханку на тонкие ломти, выкладывала их на стол, а покупатели протягивали руки. Взрослому давали два ломтя, ребёнку один, солдату — три. Из очереди доносились недовольные голоса, но люди не толкались. На воротах пекарни висел приказ: треть зерна отдать на содержание речной стражи.

Напротив, на другом берегу, красовался точно такой же приказ. Только там треть зерна требовали для пешего войска верхних земель.

— Если оба исполнять, пекарка скоро начнёт делить воздух, — сказала Ольша.

Она сидела на пороге пустого склада, осторожно разматывая свежую повязку. Раны на пальцах тянули кожу при каждом сгибе. За семь дней бинты успели пропахнуть дымом, лошадьми и дешёвым жиром, которым Ждан смазывал ожоги.

— Не трогай, пока не принесу воду, — велел лекарь.

— Я только посмотрю.

— На что?

— На то, как ты снова скажешь «не трогай».

Ждан взял повязку из её рук, проверил края раны и не

стал тратить время на спор.

Вместе с дружиной на рынок вышла Любава. Её сразу заметили двое торговцев: в небольшой книжке она отмечала имена людей, которых ищут родственники. Слух, что «у девочки все списки», разошёлся быстрее, чем сами волчьи. К полудню возле неё стояла очередь из женщин с клочками бересты, сломанными гребнями и детскими вещами. Приходилось объяснять каждому, что она не может выдать ему утраченное имя, но может записать известное.

Одна женщина принесла две пары маленьких сапог, сшитых из одной кожи.

— Это двоих сыновей, — сказала она. — Я сама шила. Только помню одного. Может, второй у вас записан?

Любава не взяла сапоги. Попросила мать сесть на сухую доску и назвать любые детали: кто помогал шить, какой ниткой заделали дырку, у кого покупали кожу. Женщина долго молчала, потом вспомнила, что разорвала старый пояс мужа на два одинаковых ремешка.

— Значит, даже две пары не доказательство двух сыновей, — сказал чей-то голос из толпы.

Любава обернулась. Перед ней стоял высокий человек в серой шапке. На груди — простая деревянная пластинка сборщика пошлин. Он держал списки так, чтобы никто не видел нижний край.

— Сапогов четыре, — ответила Любава. — Одна пара заметно больше другой. Я запишу, что она помнит, а вы спро-

сите тех, кто знал её сыновей.

Человек прищурился.

— Тебя наняли разыскивать пропавших?

— Нет.

— Значит, занимайся своими делами. В городе есть писцы.

— Как вас зовут?

— Бажен. Старший над речными сборами.

Она записала имя.

— И должность?

— Я сказал.

— Я спрошу у старосты, — сказала Любава, не убирая книжку.

Бажен в сердцах дёрнул ремешок на груди.

— Девчонка, тут люди голодают. Не до твоих игр с буквами.

Из-за плеча Любавы появился Тихон. Он не выхватил оружия, просто встал так, чтобы между сборщиком и женщиной с сапогами оставалось место.

— Ей задают вопросы, она отвечает, — сказал он. — Ты можешь уйти.

Бажен медленно опустил взгляд на его руку. На пальце Тихона была тёмная царапина от новой деревянной птицы, которую он вырезал для сестры.

— И много вас здесь таких?

— Восемь, — ответил Тихон.

— А людей?

— Больше.

Сборщик ушёл, оставив у женщины на ладони смятый клочок. На нём стояло два номера, но ни одного имени.

В этот момент у ворот раздался звон железа. Речная стража перестроилась поперёк прохода. С противоположного берега к ним уже шли пешие воины в серых шлемах и с копьями, перевязанными красной лентой. Между ними катили бочку с солью.

Ратмир наблюдал с середины площади. Позади него на санях сидел Гостята, переписывая дорогу от Липового Брода до Перевоза с именами каждого, кто видел сборщиков. Ратмир уже дважды отправлял людей разведать берег, но теперь сам видел, что спор из-за зерна близок к драке.

Старший речной стражи, сотник Северьян, вышел вперёд. У него было широкое лицо, надорванное левое ухо и привычка держать правую ладонь на животе, когда он говорил.

— Соль на наш берег? — спросил он.

— На мельницу, — ответил начальник пеших. — По договору.

— Договор с кем?

— С князем.

— С каким?

— С законным.

У стражников раздался смех. Начальник пеших побледнел, но копья пока не поднял.

— Мы держим мост по старой грамоте, — сказал Северьян. — Под вашим знаменем сюда не войдут.

— На том берегу три села без муки. Пропустишь соль — мы пустим хлеб.

— Сначала хлеб.

— Сначала соль.

Млада стояла рядом с Ратмиром и считала людей по обе стороны ворот.

— У мостового караула двадцать семь. За складом ещё десять. Пехоты с другого берега около сорока. Если войдут, будет давка на рынке.

— Что у нас за дорогой? — спросил Ратмир Невзора.

— Сухая канава к северной мельнице. Там пройдёт человек, не телега. И два брода ниже, но лёд только у кромки. Лошадь выдержит, если не торопить. Сани — нет.

Ратмир посмотрел на склады. Их двери были опечатаны двумя сортами воска; рядом стояли мешки с мукой, не накрытые от снега.

— За что дерутся? — спросил он Северьяна, когда тот вернулся к воротам.

Сотник раздражённо оглядел чужака.

— Моя часть отвечает за мост. Если пущу сорок вооружённых, завтра не удержу его.

— А соль?

— Соль — повод.

— У кого ваши списки выданного хлеба?

— У Бажена.

Имя заставило Ратмира насторожиться. Он дал знак Гостяте и отошёл к складу, куда пошёл сборщик.

Бажен стоял у боковой двери, отдавая женщине в серой повязке связку ключей. Та прятала их за пазуху. На земле между ними лежали три бочки соли, скатанные с заднего двора. Одна из них была с треснувшей крышкой. В щели блестела не соль, а тонкая медная проволока.

Гостята присел у бочки.

— Позвольте посмотреть накладную.

— Отойди, — резко сказал Бажен.

— Выше на воротах написано, что соль идёт в мельницу. Здесь нет соли.

Женщина в серой повязке развернулась, чтобы уйти. Тихон, подоспевший с рынка, встал на пути, но не схватил её.

— Куда ключи?

— Домой.

— От какого склада?

Она прикусила губу и вдруг выпалила:

— От того, где прячут людей. Вы ведь за ними пришли? Так идите туда, пока они снова не исчезли!

Бажен ударил её кулаком в висок. Она упала на колени, а сборщик бросился к воротам.

Тихон рванулся за ним. Ратмир удержал юношу за плечо.

— Не здесь. Толпа.

— Он же уйдёт!

— Млада, левый проход. Берест, у караула. Не пускайте его на мост.

Женщина на земле закашлялась. Ждан подбежал, проверил, не сломана ли челюсть, и усадил её спиной к двери. Она пыталась что-то сказать, но язык заплетался.

— Дай ей воздух, — велел он Любаве. — И воды, маленькими глотками.

На площади тем временем кто-то закричал, что речные стражники прячут хлеб. Ещё один голос — что пехота пришла грабить склады. Люди начали тесниться к воротам. Ратмир услышал знакомый звук: деревянные древки ударили в ряд щитов. Ещё миг — и копья опустятся на головы тех, кто стоял между войсками.

— Северьян! — крикнул он. — К складам людей отведи! Здесь сейчас детей раздавят!

Сотник увидел женщину с ребёнком, упавшую на мостовую под тяжёлой телегой. Дёрнулся было к ней, но удержался: если он бросит строй, люди из серых шлемов войдут на мост.

Берест по знаку Ратмира врезался плечом в край телеги, Млада подхватила ребёнка, а Тихон помог вытащить женщину из-под оси. Рядом Ольша, несмотря на боль в пальцах, заставила двух возчиков отогнать лошадей к стене, прежде чем те успели шарахнуться в толпу.

С противоположного берега метнули первую стрелу.

Она ударила в вывеску пекарни и расщепила деревянную

букву. Толпа отпрянула, потянув за собой два ряда людей. Кто-то упал. Млада отдала ребёнка матери и подняла свой лук. Глаза её сузились.

— Стреляли выше голов, — сказала она Ратмиру. — Хотели испугать.

Вторая стрела попала в плечо стражнику.

— А этот целился, — ответил он.

Северьян наконец приказал закрыть решётку моста. Две половины тяжёлых ворот со скрежетом сдвинулись, зажав край сломанной телеги. Пехота на другом берегу подняла щиты. Начальник их закричал, чтобы никто не стрелял, но за дальними рядами уже были слышны команды другого человека.

— Нам нужно вывести людей из площади, — сказала Млада.

— Выведем через мельницу, — ответил Невзор. — Я знаю канаву.

— Ольша, Ждан, Любава — с ними. Тихон, помогай. Берест, со мной.

Тихон посмотрел на Ратмира. Пальцы скользнули к застёжке воротника. Он знал, что сможет обратиться, прорвать заграждение за несколько мгновений. Знал и то, как после такого решения однажды смотрел сестре в лицо и не мог назвать её имени.

— Канаву я пройду первым, — сказал он.

Ратмир кивнул.

В боковой стене склада распахнулась дверь. Наружу выскочил человек с окованным сундуком, за ним ещё двое в простых крестьянских кафтанах. Они бежали к запертому мосту, не разбирая дороги. Бажен оказался среди них: сбросил деревянную пластинку сборщика, надел чужую шапку.

Млада сразу заметила его по хромоте — минутой раньше он ударился коленом о камень, когда перепрыгивал тележную ось.

— Вот он.

— Живым, — сказал Ратмир.

Берест ухватил крайнего беглеца за ворот и швырнул в сугроб. Второй сбил Ратмира плечом, но не успел вытащить нож: воевода ударил его обухом по запястью. Сундук покатился по камням и раскрылся.

Внутри лежали не монеты, а связки деревянных жетонов. На каждом было вырезано имя и два числа. Некоторые имена перечёркнуты, поверх них нанесены новые. Под жетонами виднелись сложенные списки с печатями двух разных земель.

Бажен замер у моста. Ворота не пропускали, за спиной стояли волчьи, а вокруг люди пытались спасти детей и мешки зерна. Он достал короткий нож и приставил его к собственной шее.

— Подойдёшь — перережу горло. Ничего от меня не узнаете.

Гостята, вышедший из-за склада, остановился в несколь-

ких шагах.

— Жетоны уже у нас, — сказал он и кивнул на сундук. — Кто вписывал вторые имена?

Бажен невольно посмотрел на сундук. Млада шагнула сбоку и ударила его по запястью. Нож упал между камнями; Ратмир прижал руку сборщика к спине, не дав нагнуться за ним.

Сразу после этого с того берега ударил барабан. Ряд серых шлемов двинулся вперёд. Их начальник, ещё недавно споривший о соли, пятился, выкрикивая приказы, которых никто больше не слушал.

Северьян поднял щит и повернулся к Ратмиру.

— Что теперь, волчий? Держишь город за меня?

— Мост твоих людей. У меня здесь обоз и два десятка раненых да голодных. Вывести их сможешь?

— Пока решётка цела.

Невзор уже направлял первых жителей в узкую канаву у мельницы. На той стороне появилась девушка с кувшином воды. Любава взяла у неё кувшин, дала напиться ребёнку и передала дальше.

Ратмир взглянул на сундук с именами, потом на мост.

— Сундук забираем. С мостом решай, что можешь удержать. Я помогу закрыть левый проход.

— Если отступите, мост падёт, — сказал Северьян.

— Тогда не отступим до того, как выведем людей.

На противоположном берегу пехотинцы подняли длинное

бревно на ременных петлях. Северьян крикнул своим отойти от решётки, но позади ещё выводили последних жителей. Люди с тараном попятились для разбега. Ратмир успел поставить щит перед ближайшим мальчишкой.

Глава четвёртая. Средняя доска

Первый удар бревна выбил из ворот железную заклёпку. Она покатилась по камням, проскочила между сапогами Береста и упала в воду.

— Плохая работа, — заметил он.

— У нас лучше нет, — ответил Северьян, упираясь плечом в поперечину.

Пехотинцы за воротами разом отступили на три шага. Бревно качнулось назад. Ратмир успел отвести двух новобранцев с линии удара, и вторая волна обрушилась на запертую решётку. Дерево жалобно затрещало.

— Сколько выдержит? — спросил Ратмир.

Северьян поглядел на вылезший из гнезда металлический стержень.

— Ещё два удара. Может, три.

— Тогда твоим людям велеть снять верхний настил.

— Если снимем настил, потом три дня чинить будем. Зерно не перевезём.

— Если не снимем, зерно отдадим тем, кто первым ввалится.

Сотник стиснул зубы и послал двоих к дальним доскам. Солдаты двинулись по узкой боковой галерее пригнувшись, держась за перила. Под ними бурлила чёрная вода: у опор ещё не стал прочный лёд.

На площади за спиной Ратмира работали Ждан и Ольша. Они поставили на козлы две двери, снятые с кладовых, и с их помощью переносили тех, кто не мог идти. Любава считала детей, выходивших в северную канаву. Она требовала назвать каждого по имени, но когда маленькая девочка только плакала и цеплялась за рукав матери, записала примету — жёлтую нитку на вороте — и пропустила дальше.

— Воду по одной кружке! — кричала Ольша. — Не ведро в руки, а кружку. Кто пролил, за новой пойдёт к мельнице!

Второй удар заставил её замолчать. Со стены посыпалась известь.

Невзор лежал за низким парапетом с другой стороны площадки. Он выбрал место, откуда был виден конец мостовой и край противоположного берега. Сам стрелять не мог; рядом сидел Драгун с луком. У молодого северянина уже ободрались пальцы.

— Вон тот, без шлема, — сказал Невзор. — Несёт огонь под полой. Видишь, как от плаща идёт дым?

— Вижу.

— Ударь по рукаву, если поднимет руку. В человека не цельсь, пока не понадобится.

Драгун вытянул тетиву. Солдат на мосту замахнулся глиняным горшком. Стрела прошила шерстяной плащ, и горшок разбился о камень у его ног. Разлилось горящее масло. Люди отпрыгнули назад, но один поскользнулся и загорелся сам.

— Под мостом вода! — крикнул Невзор.

Солдат бросился к перилам и исчез за ними. До воды он долетел живым; потом течение унесло его за опору.

— Ты его убил? — спросил Драгун.

— Не знаю. Смотри на мост.

Третьего удара не последовало. С дальнего берега закричали, и бойцы, тянувшие бревно, разом отпустили его. Тяжёлый ствол с глухим стуком лёг на настил. Северьян заглянул в щель ворот и выругался.

— Они обойдут по верхней лесенке. С той стороны ещё старый ход к мельничной стене.

— Невзор! — позвал Ратмир.

— Вижу. Пятеро уже там. Драгун, дай знак левой группе.

Юноша свистнул дважды, как учили на дороге. Из-за склада ответили. Ратмир отправил Младу с двумя бойцами перехватить верхний проход, а сам остался возле ворот. Берест посмотрел ей вслед.

— Я бы с тобой пошёл.

— Ты здесь тяжелее двери, — бросила она. — Постой на петлях, пока не отвалились.

Берест обиделся только для виду.

На верхнем проходе Млада встретила пятерых пехотинцев у узкого поворота, где перила были ниже пояса. Одного она сбила древком лука, второго ударила ножом по креплению щита, и щит сорвался в реку. Остальные попытались отступить, но сзади их теснили свои. Млада прижалась к стене,

пропуская чужое копьё мимо плеча. Затем перерезала верёвку, на которой висел верхний лестничный пролёт.

Пролёт рухнул наполовину. Двое пехотинцев повисли на сломанных досках. Третий сорвался и ударился о воду. Млада успела схватить одного за ворот, но при этом подвернула ногу на расщеплённой ступени. Второй ускользнул прежде, чем подошёл помощник. Крик оборвался за опорой.

— Нечего было лезть! — крикнул спасённый пехотинец.

— Я тоже так думаю, — ответила Млада и подтолкнула его к своим бойцам. — На землю. Живо.

Внизу Берест услышал треск лестницы, решил, что верхняя площадка потеряна, и оглянулся. Этого хватило, чтобы очередной удар бревна выбил из ворот кусок дерева. В образовавшуюся щель влетел наконечник копья и задел Береста по предплечью.

— Вот ведь... — Он отступил, стиснув зубы. — Мне за эту переправу доплачивать обязаны.

Наконечник рассёк рукав до локтя. Берест зажал рану, но сразу отпустил: створка под его спиной вдруг сдвинулась внутрь. Из-под разбитого воротного бруса вылетел железный штырь. За воротами замешкались двое носильщиков с раненым, а за ними оставались дети у мельничной двери. Следующий толчок должен был свалить на них весь косяк.

— Отведи людей, — сказал Берест Ратмиру. — И не стой рядом.

Ратмир узнал в его голосе ту неподвижную решимость,

после которой спорить бесполезно. Он схватил носильщиков за вороты и потащил к площади. Берест разжал окровавленные пальцы. Под кожей прошёл толчок, будто кости ударились друг о друга. Плечи раздались, рубаха лопнула на спине. Воротная щель наполнилась серой шерстью. Волчий воин поднялся в тесном проходе, слишком большой для каменной арки; уши прижались к кладке, когти заскрежетали по плите.

С противоположного берега закричали, завидев зверя. Берест схватил влетевший конец бревна и рванул внутрь. Державшие его солдаты ударились о створку и выпустили канат. Волк прижал ствол к каменному краю арки и навалился плечом; дерево треснуло, в рассечённом правом предплечье обожгло. Обломок Берест втиснул поперёк ворот и вбил комлем в паз, из которого вылетел железный штырь. Копейщик ткнул в щель, но зверь переломил древко и отбросил его. Ратмир успел протолкнуть последнего мальчишку за кладовую.

— Назад! — сказал Ратмир, вернувшись с другой стороны щита. — Все вышли.

Берест отступил на полшага. Створки упирались во вбитый обломок; в оставшуюся щель человек мог протиснуться только боком. На камнях темнели следы когтей. За воротами солдаты уже тащили другое бревно.

Ратмир прикрыл оставшуюся щель щитом стражника и крикнул Северьяну:

— Доски сняты?

— Две крайние! Остался средний прогон!

— Снимай.

— Он несущий!

— Вижу.

Сотник замер. Сверху средний прогон казался широкой доской, но под настилом лежал цельный брус между двумя береговыми опорами. Если выбить его из гнезда, тяжёлая телега продавит оставшиеся поперечины. Отступающие не успеют вынести раненых; если оставить брус, следом за ними на площадь въедет таран.

Ратмир заметил на дальнем берегу маленького мальчика в солдатском плаще. Тот держал повод осёдланной лошади и никак не мог заставить её уйти от дыма. За спиной у мальчика на земле лежал раненый пехотинец — вероятно, его отец.

— Ждать, — сказал Ратмир.

Северьян обернулся.

— Ты же сам сказал снять!

— Пока они отходят. Дай им минуту.

Пехотинцы за воротами тем временем метались в поисках нового бревна. Из-за серых шлемов выбежал всадник в чёрном плаще и стал кричать, что за отступление отрубят головы. Начальник пеших, ещё утром договаривавшийся о соли, ударил этого всадника рукоятью меча в лицо. Тот свалился с седла. Несколько солдат, увидев это, опустили копья.

— Теперь можно с ними говорить, — сказал Северьян.

Он высунул из-за щита пустую ладонь.

— Забирайте раненых, — крикнул он через воротную щель. — Никто не пойдёт за вами, если отойдёте с моста. Только бревно бросьте.

Дальняя сторона ответила стрелой. Она пробила ладонь одного из дозорных. Северьян вскрикнул от ярости, но не приказал стрелять в ответ.

Млада появилась сверху, прихрамывая: городские стражники помогли ей обезоружить троих отставших пехотинцев. Вела перед собой двух пленных пехотинцев и держала за ворот третьего, у которого вместо щита осталась кожаная петля на руке.

— У них приказ не брать мост, — сказала она. — У них приказ, чтобы мы его разрушили. Этот слышал.

Пленный не поднял головы.

— Кто приказал? — спросил Ратмир.

— Человек с чёрной повязкой на шее. Из тех, что пришли ночью. Он сказал, если мост останется цел, в Яровом Перевозе ещё можно будет торговать. А если рухнет — хлеб пойдёт через восточные заставы.

Северьян посмотрел на глубокую щель в воротах, потом на доски, которые его бойцы уже наполовину выломали.

— Значит, нам хотели продать собственный мост, — проговорил он.

С противоположного берега вдруг донёсся сигнал трубы — короткий, совсем не похожий на боевой сбор. Пехота начала отходить. Раненых уносили на плащах, двое подхвати-

ли мальчика с лошадью. Человек в чёрном плаще остался лежать у опоры. Его уволокли последним.

Когда опасность отступила, Берест долго не мог вернуться в человеческую кожу. Его трясло от холода, хотя камни под лапами оставались тёплыми. Ждан накинул на него плащ и велел не трогать рану. Только за дверью кладовой Берест наконец съёжился, словно весь звериный рост втиснули обратно в старые кости.

Он помнил Савелия — брата, чьё лицо отдал одному из прежних обращений. Помнил имя, помнил, что они росли у реки. Но вдруг не смог найти в себе один-единственный день: как Савелий смеялся, когда маленький Берест свалился с настила в воду. Ещё утром этот смех звучал у него в голове яснее собственного. Берест открыл рот, пытаясь повторить его, и услышал только удары молотков на мосту.

Ратмир распустил державших проход щитоносцев. Берест сел на порог, и Ждан принялся перевязывать ему предплечье. Рассечённая рана снова открылась после обращения, но пальцы двигались.

— Если рука отвалится, — сказал он Ждану, — запиши, что я до последнего требовал жалованье.

— За что?

— За стойкость.

— Два локтя чистого полотна уже выдал, — ответил лекарь. — Другого жалованья у меня нет.

К вечеру переправа уцелела. Верхний пролёт сломался,

две доски настила были сняты, воротный брус пришлось менять. Пекарка раздавала хлеб у мельницы — теперь без различия между солдатами и горожанами. На руках у неё остались белые полосы муки, которых не смыла даже ледяная вода.

У склада Северьян допрашивал Бажена. Тот сидел на перевёрнутой бочке, закутавшись в чужую овчину. Оказалось, он действительно много лет вёл речные сборы, знал каждое семейство на обоих берегах и прежде ни разу не подделывал запись. Потом его сына забрали в войско и отправили письмо: если через три дня не вывезет нужные списки, мальчика объявят умершим. Он подписал новые бумаги, надеясь, что этим всё закончится.

— Где сын? — спросил Северьян.

— Не знаю.

— А кто заказал эти жетоны?

— Грамотей из восточной канцелярии. Лица я не видел. Печати передавали через конюхов.

— Имя?

— Ни разу не назвал.

Бажен говорил сухо, не оправдываясь. Когда разговор дошёл до женщины, которую он ударил, сказал, что знал её с детства. Звали её Прислава. Она носила ключи от складов и сама заметила, что туда свозят людей, которых не записывают в расход хлеба.

— Где они? — спросил Ратмир.

— Не в моих складах, — ответил Бажен. — Вчера ночью вывезли в северный старый соляной двор. На лодках. Я слышал, как скрипели вёсла. Больше ничего.

— Сколько увезли?

— Пятнадцать. Может, двадцать.

Ратмир молча развернул найденный в сундуке список. В графе с именами на каждом втором жетоне стоял двойной знак: круг и короткая зарубка. Напротив некоторых была написана дата будущего месяца, хотя первые морозы ещё сменялись оттепелью.

Гостята заметил взгляд Ратмира.

— Это не дата выдачи хлеба, — сказал он. — По расчёту зерна столько не надо. Здесь отмечено, когда людей перевезут дальше.

— Куда?

— Название обрезано. Осталось три буквы: «...ин». Может быть, селение. Может, имя человека.

Любава перелистала свои записи о пропавших. Один из жетонов совпал с именем из Липового Брода — староста, найденный мёртвым у канавы. В другом списке тот же человек значился как живой и готовый к перевозке.

— Могли забыть вычеркнуть после смерти, — сказал Тихон.

— Могли, — ответила Любава. — Тогда зачем ему назначили следующее место?

Она положила обе записи рядом. Не стала зачеркивать ни

одну.

Северьян принёс к столу сломанную воротную заклёпку.

— Чинить мост начнём с утра. Пришлёшь людей?

— Четверых, — ответил Ратмир. — Остальные пойдут к соляному двору.

— Сколько заберёшь пленников?

— Бажена. Он знает, где причалили лодки. Остальных оставлю тебе под охрану.

Северьян тяжело выдохнул.

— Нравится мне это? Нет. Только если приведёшь обратно моих людей, не проси потом, чтобы я по чужой бумаге отдавал тебе мост.

— Не попрошу.

Ратмир поручил Младе выбрать тех, кто пойдёт в разведку; Ольше — приготовить запасные перевязи, а Гостяте — переписать найденные имена до отъезда. Невзор должен был показать Драгуну, как обходить стражу соляного двора с подветренной стороны: самому забираться по обледенелой стене с повреждённой рукой не следовало.

Перед тем как лечь спать, Любава вышла к воде. На мосту всё ещё стучали молотки. Тихон догнал её, принёс сухую ветку и недоделанную деревянную птицу.

— Крыло опять слишком толстое, — сказала она.

— Знаю. Решил не прятать.

Она взяла птицу и ножом аккуратно сняла лишнюю стружку.

— Завтра на соляной двор я пойду.

— Там могут быть солдаты.

— И дети, которые назовут имена только мне.

Тихон не стал спорить. Посмотрел на недостроенный мост, на огни по обе стороны и спросил:

— Кто тебя научил различать такие записи?

— Никто. Там, в шахте, нас заставляли запоминать чужие имена. Если ошибёшься — не дадут воды. Я научилась замечать, когда они сами ошибаются.

Она вернула ему птицу. Стружка упала в реку и поплыла под уцелевшую опору.

Поздно ночью возле Ярового Перевоза остановилась ещё одна повозка. Её не пустили в город. Возчик предъявил грамоту с девятикрылым соколом и спросил, где теперь собирают людей для нового войска. Стражник ответил, что на мосту сегодня уже собрались — и хватит.

Возчик не спорил. Он развернул лошадь на восток и поехал назад.

Под скамьёй у него лежал список из сорока имён. Напротив двадцати восьми стояла отметка: «ПРИГОДЕН ДЛЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ».

* * *

К утру от ворот Ярова Перевоза остались две створки, одна из которых держалась на подпорке. Северьян велел прибить поперёк проезда длинную сосновую жердь и выставил возле неё трёх человек с пиками. Двое стражников уснули

прямо на мешках с мукой; никто не стал будить их, пока под навесом раздавали завтрак.

Берест завтракал левой рукой. Правое предплечье Ждан перетянул так туго, что оно походило на бревно в зимней обмотке.

— Я просил перевязь, — сообщил Берест. — Мне выдали чужую руку.

— Чужой ты уже попробовал отмахнуться, — сказал Ждан. — Сегодня побережёшь свою.

Ратмир сидел на ступеньке склада и подсчитывал с Северьяном людей. Четырёх добровольцев оставляли на мосту: помочь плотникам, сменить раненых на карауле и охранять ящик с жетонами, пока Гостята не перепишет его содержимое. Восемь бойцов шли со стаей. С ними — Любава. Бажена повезут под присмотром, без оружия, на его собственной лошади.

— Прославу не бери, — сказал Ждан. — После удара её всё ещё мутит. Если поскачет, начнёт рвать и упадёт с седла. Показания запишем здесь, когда сможет спокойно говорить.

Ольша передала Северьяну два пакета с бинтами и мокрыми повязками на запястьях подтянула подпругу лошади. Узел за неё затянул Драгун.

— Не обижайся, — сказал он.

— На что? Что у тебя пока целы все пальцы? Отчего бы обижаться.

Бажен вывел спутников за мельницу, где дорога петляла

вдоль северного берега. На отмели лёд был толщиной с черепок: потрескивал под ветками и отходил пластинами. Ни коней, ни сани на него не пустили. Дальше по берегу обнаружилась старая тропа солеваров, выбитая в глинистом склоне.

— Лодки здесь приставали, — сказал Бажен, когда дошли до низких свай. — Три. Две большие, третья без паруса. Последнюю увели против течения.

Невзор осмотрел грязь между корнями, не нагружая повреждённое левое плечо. Правой рукой раздвинул сухую траву.

— Сколько людей сошло?

— Не считал.

— Считать придётся сейчас. По эту сторону полоз от лодки, вот здесь груз перекатывали на бревне. Отпечатков узкой обуви семь. Дальше следы мешаются. Босых нет. Значит, по крайней мере здесь их не волокли.

— Ты думаешь, они сами пошли? — спросил Тихон.

— Следы так не думают. Они только лежат.

Ольша пригнулась возле сваи. В щели дерева застряла клочковатая шерстяная нить — синяя, какого цвета в тех краях обычно красили женские чулки. Она вложила находку в ладонь Любавы.

— Смотри, не от ярма. Если кто-то станет говорить, что везли соль, покажем.

Они двинулись над рекой цепью, не растягиваясь. Старый соляной двор вырос из тумана после полудня: четыре низкие

постройки под почерневшими крышами, пустые чаны у берега, рассохшийся ворот для подъёма соли. Над трубой главного варочного сарая шёл тонкий дым.

— Двор закрыт десять лет, — прошептал Бажен. — Откуда дым?

Ратмир посмотрел на него.

— Это у тебя спрашивать.

— Я сюда раньше сборов не приезжал.

Млада повела двух добровольцев к овражку за сараем. Невзор остался на склоне и объяснил Драгуну, по каким окнам следить: верхнее было чёрным, нижнее запотело от тепла. Сам он держал свисток в здоровой руке; за тетиву браться не собирался.

Ратмир подошёл к открытому двору без звериной шкуры на плечах, чтобы не пугать работающих. За воротом возился старик в коротком кожаном фартуке. Увидев незнакомцев, он поставил ведро и крикнул в сарай:

— Устина! Опять приехали!

Из-под крыши вышла женщина лет пятидесяти с неподвижной левой щекой. На поясе у неё висела связка мерных дощечек, а на пальцах — чёрные следы чернил. Она посмотрела сперва на Ратмира, затем на Бажена.

— Этого я знаю. С тебя за прошлый раз ещё двадцать мер соли.

— Какие меры? — выдохнул Бажен. — Тут не варят!

— Ну наконец-то кто-то заметил.

Она распахнула дверь сарая. Внутри действительно не было ни котлов с кипящим рассолом, ни кристаллов на полках. За длинными столами сидели люди и переписывали одни и те же листы. Старик подал гостям табуреты, словно это была обычная мастерская.

Гостята увидел письмо, к которому прижимали деревянную линейку, и остановился.

— Вы переписываете расписки о хлебе?

— О трудовых местах, — ответила Устина. — На бумаге все тут работают. Так дешевле содержать живых: казённый хлеб положен работнику, а пленному нужна охрана.

— Кто их нанял?

— Иди спроси у тех, кто привёз. Только нынче поздно. Утром увели вторую партию.

На дальней скамье зашевелилась женщина с припухшими веками. У неё на руках спал ребёнок, а рядом лежала стопка плохо вырезанных деревянных жетонов. Любава подошла без оружия.

— Вас записали по вашим именам?

Женщина поколебалась.

— По каким назвали, по тем и пишем.

— А домой отпустят?

— Если бумагу примут в Крутине. Нам обещали жалованье и возвратные пропуска. Мой муж уже там.

— Ты видела его там?

— Нет. Мне сказали, что он там.

За дверью послышались шаги. Млада вернулась с двумя людьми в серых кожухах. Они не были связаны. Один держал пустой арбалет, другой — деревянный свисток.

— Сторожа, — сказала она. — В овраге ждали лодку с едой. Я предложила проверить, сколько у нас хлеба; решили поговорить здесь.

Устина выругалась, увидев сторожей.

— Я вам велела стоять у дороги! Если пришёл новый наниматель, где его грамота?

— Никакой я не наниматель, — сказал Ратмир. — Хочу знать, кто увёл людей.

— Тех, что ночью привезли? Одиннадцать ушло до полудня. Семеро остались здесь. Один мужчина не дошёл от причала: свалился в воду. Двое выбежали из сарая ночью. Куда делись, не знаю.

Гостята поднял голову.

— Одиннадцать, семеро, один, двое — двадцать один. Бажен сказал, что лодками везли пятнадцать или двадцать.

— Он видел не все лодки, — отрезала Устина. — Я четыре ночи считала выдачу хлеба. Взгляни.

Её книга лежала на первой полке за дверью, под глиняным кирпичом. Буквы были мелкими, аккуратными, с красной чертой по каждой строке. Трижды встречалось имя человека, которому причиталось по две порции за один вечер: в одной строке стояло имя, в другой — номер, в третьей — отметка «предъявлен». Плату по всем трём строкам получал

один и тот же конюх.

Гостята перелистнул страницы, указательным пальцем не касаясь чернил.

— Почему вы не разделили записи?

— Разделила. За это мне забрали старшего писца и запретили выпускать работников за ворота. Ты бы тоже разделил. Только бумаги забрали бы раньше, чем успел спрятать.

— Кому забрали?

— Человеку с серебряной застёжкой, который не называл себя. Здесь он не размахивал печатями. Садился в конце стола, слушал, как люди сами рассказывают, чьи они дети и на какой земле стоял их дом.

Любава взяла у женщины с ребёнком недопитую чашку воды и подала её мальчику. Тот проснулся, кашлянул и показал на её дорожную книжку.

— У тебя там есть Климка из Третьей улицы?

— Я могу поискать. Скажи, сколько ему лет.

— Мне столько. Только меня теперь зовут Остромир. Мама велела выучить.

Женщина торопливо прижала ребёнка к груди.

— Его оставят у меня, если он ответит на это имя, — сказала она. — Не надо его испытывать.

Ратмир вывел Бажена на двор. Воздух пах не солью, а подгоревшей кашей и сырыми досками.

— Ты знал, что здесь делают?

— Мне сказали, что записывают рабочих. Я привёз один

ящик жетонов, когда сын пропал. На второй раз отказался. Тогда показали письмо, будто он умер в восточной сотне.

— И ты продолжил.

Бажен не опустил глаз.

— Ты же видел списки. Я продолжил.

В дверях показалась Устина с пустым мешком. Она бросила его к ногам Бажена.

— Вот мешок от муки, которую присылали на ваших лодках. На нём клеймо Ярова Перевоза. За две недели нам не хватило трёх мешков. Скажи своим сборщикам, что мёртвые в сарае едят меньше, но живым надо добавлять.

Бажен прижал мешок сапогом. Из сарая вышел Ждан и попросил тёплой воды. Женщины притихли. У одной из переписчиц лихорадило уже третий день. Её считали ленивой, потому что к полудню она не могла держать перо.

К вечеру выяснилось, что уйти согласны не все. Четверо работников хотели добраться до Крутина: там им обещали найти мужей, сыновей, жалованье. Трое готовы были вернуться к переправе, но требовали, чтобы им дали настоящие дорожные грамоты, иначе в ближайшем селе задержат как беглых. Устина оставаться на пустом дворе не собиралась, пока не получит подтверждения, что за книгу не повесят её дочь.

— Где дочь? — спросила Млада.

— Возле Крутина, — ответила женщина. — Я её туда послала с прошлой партией. Она хоть читать умеет, когда ей

говорят «подпиши».

Ольша принесла из повозки настоящий мешок соли. Взяла горсть, раскрошила на столе между тремя деревянными чашками.

— На завтра у нас будет хлеба на два дня, если разделим со всеми. Лошадям — ещё на один. Четверых, желающих идти дальше, не удержим. Остальным можно дать наших людей до моста. Кто сможет там поручиться за вас?

— Северьян, — сказал Бажен прежде, чем успел подумать.

— Он бы тебя не поблагодарил, — заметила Ольша. — Но имя записали.

Ратмир позвал Драгуна и ещё двух бойцов, велел проводить троих возвращавшихся. Устина передала уходящим выписку из своей книги; второй список Гостята переписал с нею за столом. Он не забрал листы без её подписи. Она поставила вместо обычного имени знак солеваренного крюка.

Ночью, когда остальные укладывались под навесом, к Ратмиру подошла Млада.

— Двое из беглецов не выбежали сами. На задней стене есть след от вытащенной доски, снаружи — сапожные отпечатки. Их кто-то вывел. Третий шёл за ними, но вернулся. Хотел предупредить сторожей.

— Нашла его?

— Сидит у печи. Одна рука обожжена. Сказал, что беглецы шли к старому каменному мосту у Крутина.

За рекой тяжело ударил колокол — один раз, затем два. Устина, услышав, стала собирать бумаги в жестяную коробку.

— Развозные сани, — сказала она. — Из Крутина ещё не бывало, чтобы ночью везли пустые.

Ратмир взглянул на тёмную полосу дороги и отправил Младу с Драгуном сменить наблюдателей. Сам остался у стола. На одном из листов, которые они не успели переписать, стояла короткая строка: «Подтверждение чужими допустимо при отсутствии первых». Под ней — число, написанное уже другой рукой.

Гостята поднёс лист к огню, чтобы рассмотреть различие чернил.

— Тебе понятно? — спросил Ратмир.

— Пока понятно только, что её кто-то добавил позже.

Глава пятая. Места за столом

В Белояре девять мест для судей поставили до того, как нашли девять судей.

Стулья для девяти земель собирали по всему Белояру: разные спинки, разные ножки, один длинный стол. Яромил поставил у дверей караул, а Лисава спасала промокшие письма, над которыми протекла крыша оружейной.

Мировету задержали торговки с зерном. Одна требовала разрешить вывоз хлеба, другая — запретить. Обе ссылались на старые грамоты.

— Пусть город хотя бы до вечера проживёт без нового приказа, — сказала княгиня Горислава. Снаружи уже ждали представители земель.

Во дворе уже стояли три делегации. Из Студёных гор приехали двое воинов с намерзшим на воротниках инеем и женщина в тёмно-синей одежде; она назвалась старшей над зимними перевозами и принесла счета на четырнадцать погибших возчиков. От Чернолесья явился худой посадский служитель с обожжённым рукавом. Верховье представляли избранные горожанами сапожник, кузнец и пекарка. Остальные земли прислали гонцов, но не людей, которым доверили бы решение о казни князя.

Добромир явился с вооружёнными слугами и двумя сундуками. Один наполнил грамотами, другой — вином и су-

шёными грушами. Пекарка из Верховья попросила вместо груш муку. Добромир приказал убрать угощение.

За столом спорили, кто даст охрану свидетелям. Горислав отказался впускать боярских солдат к судейским местам: их хозяин сам участвовал в прежней власти.

Женщина из Студёных гор положила перед ними счёт четырнадцати погибших возчиков. Чужие отряды остановили хлебные телеги под белыми лентами, а потом сослались на приказ Миротвора. Служитель Чернолесья признал, что дома у свидетелей уже отнимали, стоило им выехать с жалобой.

— Вот зачем нам свои представители, — сказала северянка. — Не чтобы занимать высокий стул. Чтобы наши родные не пропадали на обратной дороге.

Мировета согласилась назначить охрану для прибывших и велела привести конюха, последнего живого свидетеля южной перевозки.

Конюх уверял, будто своими глазами видел пять телег с детьми на южном дворе. Сапожник из Верховья спросил, шёл ли тогда дождь; конюх назвал дождливый день, хотя весь город помнил пыльную ярмарку.

— Вчера ты говорил про три телеги, — напомнила Лисава.

Мужчина вытер лицо. Он стоял у ворот лишь до полудня; остальное почерпнул из листа, который ему велели прочесть, обещая вернуть должность. Теперь, закрывая глаза, он видел пять телег так ясно, словно сопровождал их.

— Кто дал лист? — спросила Мировета.

— Писец у южных ворот. У него были ещё два.

Сапожник отошёл от стола. Лисава отделила увиденное конюхом от заученного и позвала следующего свидетеля: больше никто не хотел слушать чужую память вместо живой.

Добрын вошёл с мальчишкой, собиравшим на площади подписи против «судей пришлых земель». Парень вцепился в шапку так крепко, что согнул поля. На вопрос Гориславa он указал на дом Добромира: туда велели приносить заполненные листы, там же выдавали новые.

— Мало ли кто ходит у моего двора, — сказал боярин. — Слуги, просители, разносчики. Не всякий, кто меня видел, служит мне.

— Этот видел, куда относить подписи, — ответил Добрын. — Он провёл нас к кладовой, где складывают такие же бланки.

Гориславб обернулся к первому сундуку Добромира. На крышке лежала дорогая ткань, которую слуги постелили ещё утром. Один из них уже опустился перед замком. Добромир резко шагнул к нему и захлопнул крышку ладонью.

— Это вещи моего дома. Ты не станешь рыться в них перед чужими послами.

— Вино и груши ты велел унести, — сказал Гориславб. — Что осталось в этом?

Боярин не убрал руки. Двое его вооружённых слуг придвинулись к сундуку, и Добрын встал между ними и Гори-

славом. У двери заскрипели ремни городского караула. На мгновение в зале стало слышно только дыхание мальчишки.

— Я требую отложить осмотр до законного суда, — произнёс Добромир.

— Суд мы и собираем, — ответила Мировета. — А пока велю открыть сундук при всех. Если там твои личные письма, их никто не станет читать вслух.

Добромир отступил. Добрын открыл замок и откинул крышку. Сверху лежали чистые листы со знаком княжеского двора; ниже — готовые бланки с печатями и пустыми строками для имён. Одни давали Добромиру власть над судами Верховья, другие разрешали неизвестному «княжескому племяннику» набирать воинов на востоке.

Горислав взял бланк с княжеской печатью и поднёс к свету. Край воска имел ту же косую вмятину, что и приказ, по которому накануне пытались свезти к дворцу дрова для поджога. В том листе имя получателя уже стояло. Здесь оставили пустое место для следующего.

— Это заготовки, — сказал Добромир. — Неподписанный лист ещё не приказ.

— Для моего брата хватило и такого, — раздалось от крыльца. Один из возчиков шагнул вперёд, держа снятую с лошади узду. — На заставе к пустой строке вписали его имя. Забрали вместе с конём. Мы третий день ищем обоих.

Добромир посмотрел на возчика, будто не замечал его раньше. Затем впервые отвёл глаза от сундука.

— Бумаги готовил Долгуша, — сказал он. — Писец. Я не видел, кому их выдавали.

— Тогда ты останешься в городе и расскажешь, когда он приходил, — ответил Горислав. — А твои слуги до вечера сдадут оружие у ворот.

Мировета приказала охранять свидетелей смешанным караулом; самого Добромира оставили под надзором, не объявляя виновным до проверки. Гонцов отправили к заставе искать брата возчиков и к дому Долгуши — прежде, чем тот исчезнет вместе с печатями. К вечеру признали представителей трёх земель из девяти. Приговора Всевладу никто не выносил.

О признании конюха рассказали Всевладу. Он назвал человека, который ведал тем южным двором: бывшего казначея, якобы утонувшего три года назад. Но сам князь отправлял его на север за серебром, и по реке тот не ездил.

Лисава нашла две записи: о гибели казначея на пристани и о выплате ему жалованья на следующий день на востоке. Под обеими стояла одна подпись. Горислав приказал разыскать помощников Долгуши, пока те не исчезли вместе с книгами.

У крыльца тем временем ждали родные пропавших возчиков. Северная представительница смотрела на их пустые телеги и спрашивала, сколько ещё людей придётся потерять, чтобы суд поверил хотя бы одной смерти.

* * *

Крутин ещё недавно был деревней. Теперь возле мельнич-

ного колеса выросли новая застава и ров, а на воротах вывели непривычное название «Волостной град». Лада Устинина могла бы доказать, что никакой грамоты на основание города не было, но доказательство не вернуло бы хлеб людям, копавшим этот ров.

В приёмной восточной канцелярии работали шесть писцов. На деревянных пластинках уже стояли имена двадцати будущих работников, которых никто пока не привёл. Младший писец Анисим объяснял это сроком: завтра явятся, сегодня надо закончить книги.

Лада вытащила пластинку. У имени не хватало конца родового прозвания, зато отметка о подтверждении уже была готова.

В соседней комнате спорили двое. Лада узнала голос человека с серебряной застёжкой — управляющего по имени Неждан, которого здесь все называли надворным счётчиком. Второй говорил размеренно, не повышая голоса. Он приехал ночью, и при нём было столько вооружённых людей, что хозяин мельницы уступил ему свою спальню.

— Мне нужны не сорок имён, — сказал незнакомец. — Мне нужна земля. Земля, которую никто не сможет оспорить, когда мы поставим на ней заставу.

— У вас будет земля, когда жители её признают, — ответил Неждан. — У нас всё готово.

— Отчего же люди ещё спорят, куда им возить хлеб?

— Не все привыкли к новой грамоте.

— Тогда перестаньте заставлять их переписывать её и дайте прочесть старую.

Лада подняла голову. Такого она от гостей Неждана не слышала.

Дверь открылась. Вышел высокий мужчина в меховой шапке с узким серебряным поясом. У него были разные перчатки: одна мягкая кожаная, другая толстая, с металлическими накладками на двух пальцах. Он остановился возле Лады.

— Ты здесь старшая?

— Старшая над копиями.

— Кто решил сделать из деревни город?

Лада на секунду взглянула на Неждана.

— Наказ о воротах подписан управляющим. Наказ о рве — военным сотником. О названии нет отдельного решения.

Неждан досадливо кашлянул.

— Девка не умеет отделять важное от малозначительного.

— Напротив, — сказал гость. — Именно поэтому я спрашиваю её.

Он представился: сотник Рудомир, посланный охранять восточную дорогу. В речи его не было обещаний о скором великом князе. Он спрашивал о досках для моста, о запасе зерна и о числе возчиков. Сначала Лада решила, что этот человек действительно сможет остановить нелепую запись городских прав, но затем он попросил у неё готовые списки работников.

— Я возьму двадцать мужчин для строительства южной

заставы, — сказал Рудомир. — Взамен оставлю половину воинского обоза. Мука нужна сейчас, не через месяц.

— В списке только семь работников, которые соглашались уходить, — ответила Лада.

— Остальные откажутся, когда увидят место работы?

— У остальных здесь семьи.

— У моих людей тоже семьи. Они зимуют в поле.

Рудомир взял одну пластинку, повертел и положил на край стола.

— Считай тех, кто может работать, не тех, кто умеет подписываться. Плату выдадим в конце месяца.

Он ушёл. Нежданприблизился к Ладе так тихо, что она услышала лишь царапанье металлической застёжки о край стола.

— Ты обошла мой приказ, — сказал он.

— Он спросил.

— Ему требуется застава. Мне — подтверждённые свидетели, а не разговоры о голодных детях. Составь два списка. В первом работники по числу рук, во втором — по числу имён. Никому не показывай оба сразу.

Лада не ответила. Отложила чистые пластинки и пошла в заднюю комнату, где сидели приезжие из соляного двора. Среди них оказался мужчина с зашитой на локте шубой и мальчик, который отказывался говорить новое имя. Мужчина держал в руках сапог ребёнка, словно именно он мог провести его через чужое свидетельство.

— Нам дадут пропуск? — спросил мужчина.

— После вечерней поверки.

— А жена здесь? Её с дочкой увезли раньше.

Лада проверила листы. Женщина значилась не как привезённая, а как получившая хлеб и отправленная к южной мельнице. По месту работы рядом стояла отметка «свидетель другого лица».

— Я узнаю, — сказала Лада.

— Она умеет читать, — добавил мужчина. — Может, её отдали писцам.

Мальчик поднял голову:

— Меня всё равно зовут Клим.

— Назови мне это при людях, — сказала Лада. — Там я запишу то, что услышала.

В переднем помещении её ждал Анисим. Он держал записку, доставленную с северной соляной дороги: на дворе появились волчьи, списки будут проверять. Лада узнала почерк матери, хотя слова были переписаны чужой рукой. В конце стоял маленький крюк, которым Устина всегда отмечала недостачу.

— Волчьи? — переспросил Анисим. — Те, что разрушили белоярскую стену?

— Те, что выжили после княжьего пира.

— Неждан велел запирать ворота, если появятся.

Лада взяла у него записку. Подлинное имя её матери в ней отсутствовало. Это было разумно: теперь всякий, кто приве-

зёт письмо с личным именем, мог попросить конюха найти нужную семью.

К полудню во двор втащили мужика с подвязанной к груди рукой. Он был мельником с западной мельницы и требовал отдать ему обратно лошадь. Двое дружинников Рудомира утверждали, что лошадь взяли на строительные работы. Мельник отвечал, что у него осталось два ребёнка, а мельница без лошади остановится.

— Она и так стоит, — сказал старший воин. — Вода замерзает.

— Пока только у берегов, — возразил мельник. — Колесо крутится. Не твоё дело.

Рудомир вышел сам, взглянул на обвязку руки и велел вернуть лошадь.

— За это привези к вечеру пять мешков муки, — добавил он. — Столько люди могли намолоть за три дня.

— И меня повесите, если не привезу?

— Не успеешь — запишем долг.

Мельник рассмеялся, но не от радости. Забрал повод и повёл коня домой. Лада знала, что у него не наберётся пяти мешков даже к концу недели.

Неждан развернул перед Рудомиром карту речного пути. Красные круги уже стояли по обе стороны реки: завтра жители должны были подтвердить, что всё пространство между ними принадлежит восточной власти.

— Они получили здесь землю от вас вчера, — сказал сот-

ник, выслушав перечень свидетелей. — Старая граница от этого не станет старее.

Рудомир всё же приказал охранять переправу: без моста его люди зимой останутся без зерна. Но запретил поджоги и самовольное переселение на своём берегу. Вечером западная мельница загорелась.

Сначала запахло подпалённой соломой. Затем из западной мельницы вырвалось пламя, сквозь дым посыпались искры. Мельник пытался вытянуть мешки через боковую дверь; рядом металась лошадь, которую ему только что вернули. Трое ребят носили воду из протоки ведром с дырявым дном.

Рудомир с полудюжиной воинов прибежал раньше городского караула. Они сорвали с петель боковую дверь, вытащили две бочки зерна и принялись тушить крышу. Кто-то на улице закричал, что огонь пустили люди с северного берега. Кто-то другой — что видели всадников с волчьим знаком. Лада слышала оба крика, но сама видела только конюха Неждана, который незадолго до пожара вынес из приёмной глиняный кувшин.

Мельник кинулся к своему коню, привязанному возле сушильни. Гнилая балка рухнула и придавила его. Рудомир успел добежать до ворот, но вынести мельника уже не смог. Лада видела, как сотник сел на снег у стены, снял кожаную перчатку и долго разжимал онемевшие пальцы.

Когда огонь притушили, Нежданн вынес на площадь спи-

сок двадцати шести семей, которым следовало переселиться на восток из «опасной черты». Он предложил отправить их немедленно, под защитой воинов Рудомира.

— Подожди до рассвета, — сказал сотник. — Надо найти хозяев, которых сегодня не было дома.

— Сейчас они сами придут. Их дом горит.

— Дом мельника, — ответил Рудомир. — Пока одного.

Неждан повысил голос, чтобы услышала толпа:

— Они подожгли его, потому что у нас появился законный управляющий! Завтра на вашем берегу будет так же!

— Кто «они»? — спросила Лада.

Неждан повернулся резко.

— Волчьи. Их следы были у северного соляного двора.

Лада взглянула на старый каменный мост: на нём уже зажгли факелы и поставили вооружённых людей. Если утром они встретят волчьих с оружием, никто в толпе не станет разбираться, кто поджёг мельницу.

Она вернулась в приёмную, взяла лист, на котором отмечали выдачу масла и светильного жира, и положила его между страницами своей книги. Из списка за утро исчезла строка о трёх кувшинах масла, выданных конюху Неждана; бумагу переписали. Но на подложке остались вдавленные следы от пера.

Лада села возле окна, под которым ночь собирала сугробы, и аккуратно провела угольной пылью по шероховатому листу. Буквы проступили одна за другой. Последней была

подпись самого Неждана.

С улицы раздался звук трубы. На южной дороге показался обоз со знамёнами, которых прежде в Крутине не видели. Четыре знамени принадлежали разным землям, но на каждом поверх старого герба нашили одинаковый пустой круг.

Глава шестая. Четыре знамени

Ратмир увидел дым раньше, чем услышал голоса.

Он поднимался с дружиной по дороге от соляного двора. Устина шла вместе с ними, закутавшись в старый овчинный платок. Четверо работников, которых она уговорила оставить за собой, несли мешки с хлебом и свои маленькие узлы. Они говорили мало, зато с рассвета дважды пытались повернуть назад. В Крутине им обещали встречи с родными, но никто не знал, живы ли эти родные и кому теперь следует верить.

На верхнем повороте Невзор остановил колонну. С юга шло больше следов, чем с севера: колёса повозок, тяжёлые копыта и узкие полозья. Между двумя рядами деревьев кто-то поспешно вырубил ветки, чтобы протащить высокий обоз.

— Вчера, — сказал Невзор. — Не раньше. Вон стружка ещё светлая. На заставе теперь большое войско.

Берест, державший правую руку в перевязи, посмотрел на столбы дыма.

— Наверное, приехали помогать тушить.

— Откуда знаешь? — спросила Млада.

— До того, как их позвали, ничего не горело.

Ратмир оставил главную группу в подлеске. Млада с Драгуном пошла по отрогу, Невзор остался командовать наблю-

дением с уступа. Гостята, Любава и Устина вышли к городской дороге вместе с Ратмиром. Бажена оставили у сторожки под присмотром двух добровольцев. Четверо работников хотели идти следом, но Ратмир попросил их переждать за сторожкой: если ворота захлопнутся, они окажутся между двумя караулами без еды и без возможности вернуться.

На мосту стояли воины в кожаных шлемах. Посреди настила установили новую перекладину; по обе стороны лежали свежесрубленные брёвна. Над караулом висели четыре знамени — красное, чёрное, белое и синее. На каждом поверх старого герба пришили круг, вышитый грубой чёрной нитью.

— Кто приказал? — спросил Ратмир, кивнув на знамёна.

Молодой стражник отступил на полшага, увидев его шрам.

— Городской совет.

— Когда его собрали?

— Сегодня утром.

— Сколько человек в совете?

Стражник промолчал. Старший отозвал его к перекладине и сам спустился с моста.

— Город закрыт после пожара. Волчьих не пускать. Приказ сотника Рудомира.

— Мы не просим войти с оружием, — сказал Ратмир. — Со мной писарь и два свидетеля соляного двора.

— Писарей у нас хватает.

Устина выступила вперёд.

— Один из ваших держит мою дочь. Она здорова?

— Женщины в управе. Вчера все были здоровы.

— Как её зовут? — спросила Устина.

— Я не проверяю имена женщин.

— А пропуск на женщину без имени выпишешь?

Старший караула переступил с ноги на ногу. На другом берегу зашевелились люди, собравшиеся посмотреть на спор. Кто-то выкрикнул «оборотни!», но большинство молчало: с рынка ещё не вынесли обгоревших досок.

Пришёл сотник Рудомир. Его шлем был закопчён, а на правой руке оставалась повязка, когда-то белая. Он остановился перед Ратмиром, не положив ладонь на меч.

— Сивый?

— Ратмир. Откуда знаешь?

— Вчера сказали, что ты идёшь с севера. Пожар тоже на тебя повесили.

— Не мы жгли мельницу.

— Я пока и не утверждал, что вы. Сколько вас?

— Восемь волчьих и несколько добровольцев. Остальные у соляного двора и на Яровом Перевозе.

Рудомир окинул взглядом дорогу. Он не видел Младу на отроге и не мог знать, что Драгун держит лук положенным на колено.

— Оружие оставите у моста. Троих пропущу к управе. Остальные здесь. Если кто-то из твоих обратится, прикажу

стрелять — даже если это будет моя последняя команда.

— Договорились, — сказал Ратмир.

Устина шагнула к нему ближе.

— Я четвёртая.

Сотник посмотрел на её чернильные пальцы.

— Четвёртую тоже пропущу. Но у меня нет людей, чтобы за вами бегать, если вы решите заблудиться.

В город вошли Ратмир, Гостята, Любава и Устина. На улице возле сгоревшей мельницы стояли бочки с водой. Крыша провалилась, часть стены разобрали, чтобы огонь не перекинулся на соседний дом. Под навесом лежали обгоревшие жернова и мокрые мешки. Мельник погиб; его лошадь стояла неподалёку, привязанная к чужому столбу.

— Это его? — спросила Любава у женщины с опухшими от слёз глазами.

— Был его, — ответила та. — Теперь говорят, что долг за муку перейдёт мне.

— Кто говорит?

— Те, кто дали ему лошадь обратно.

Женщина не плакала при них. Перебирала щепки у ног, будто искала среди них что-то небольшое. Устина положила рядом с нею сухую краюху хлеба. Та взяла её только после того, как они уже отошли.

В управе Ратмира встретил надворный счётчик Нездан. Серебряная застёжка на его одежде была начищена до блеска. На столе лежало постановление об отселении двадцати

шести семей; внизу уже стояли подписи двух новых старост.

— Они добровольно решили уйти, — сказал Неждан.

— Где остальные подписи? — спросила Любава.

— Семьи не подписываются поодиночке. Староста отвечает за дворы.

— Старост выбрали сегодня утром, — заметил Гостята. — По какому правилу?

— По старому.

— Тогда покажите старую книгу.

Неждан нетерпеливо махнул рукой. Двое его помощников принесли тонкий свиток, исписанный нечёткими буквами. Гостята пробежал его глазами и перевернул. Под документом не оказалось ни даты, ни списка присутствовавших, только печать с пустым кругом.

— Этого недостаточно, — сказал писарь.

— Достаточно для людей, которые хотят пережить зиму, — ответил Неждан. — Пока вы выискиваете год и черту, у нас горят мельницы.

Ратмир повернулся к Рудомиру.

— Покажи людей, которых перевезли с соляного двора.

— Зачем?

— Их родственники идут за нами. Если увезёте отсюда, мы не сможем даже сказать, в какую сторону искать.

— Семеро работают здесь. Ещё четверых я послал чинить южную заставу, — сказал сотник. — Грамоты на перевод есть. Если их держат против воли, разберу.

— Ты знаешь их имена? — спросила Любава.

Рудомир нахмурился.

— У меня сто человек в обозе. Я запоминаю тех, кого ставлю на караул. Остальных пишут.

Он подозвал караульного и велел привести работников. Нежданвмешался:

— Сейчас не время беспокоить людей. Они поели, занимаются делом.

— Значит, им будет легче сюда прийти, — отрезал сотник.

Устина заметила у боковой двери девушку в серой кофте. Та несла кипу бумаг, прижимая её подбородком. Узнала мать раньше, чем увидела волчьих, и остановилась так резко, что три листа упали на пол.

— Лада!

Девушка кинулась к Устине. Нежданпротянул руку, чтобы остановить её, но Рудомир встал между ними.

— Пусть поздоровается. Мы не на строевом дворе.

Мать обняла дочь и сразу отступила на расстояние вытянутой руки. Проверила, целы ли кисти, нет ли синяков на шее, как проверяют работника, которого вернули после долгой болезни. Лада не сумела улыбнуться. Шепнула что-то ей на ухо. Устина схватила дочь за локоть и повела к Гостяте.

— Это тот самый писарь, — сказала она. — Говори ему.

Лада достала из-за подкладки тулупа тонкий лист, весь покрытый серыми разводами. В середине проступала строка

о выдаче трёх кувшинов светильного масла. Внизу виднелась подпись Неждана.

Гостята не взял лист сразу. Попросил Рудомира подвинуть к окну стол и положить рядом ту самую книгу, от которой сделали оттиск.

Неждан произнёс сдавленно:

— Это не подлинный документ. Она перевела углём чужую запись.

— Подлинная книга где? — спросил Рудомир.

— У писцов. Там много страниц.

— Я знаю, как выглядит книга. Принеси.

Через некоторое время помощники внесли её. Лада перелистнула к нужной дате. Строки о масле не было; соседние отметки стояли теснее обычного. Гостята положил сверху тонкий угольный оттиск, совместил начало двух записей и показал край страницы.

— Здесь лист подрезали. Бумага стала уже на ширину ногтя. И чернила в следующей строке доходят до среза. Запись удалили не потому, что места не хватило.

— Наёмные люди несли масло на укрепления, — сказал Неждан. — Разве это преступление?

— В день пожара зачем? — спросила Лада.

— Для факелов.

— У укрепления масло выдали вечером, а эти три кувшина — до полудня. Конюху, который потом исчез.

Рудомир осмотрел книгу. Он не умел читать так быстро,

как Гостята, зато знал цену трём кувшинам масла. На сухой мельнице их хватило бы для страшного пожара.

— Приказываю найти конюха, — сказал он. — Неждан, оставь застёжку и ключи на столе.

Счётчик не двинулся.

— Ты не имеешь права отнимать печати наместника.

— У меня есть право не дать сжечь вторую мельницу, — ответил сотник. — Ключи.

Снаружи уже шумели. Откуда-то прилетел слух, что волчьи привезли тайную грамоту и теперь требуют отменить весь городской совет. Затем кто-то закричал, что Рудомир предал восточные земли. У двери ударили кулаком, потом ещё раз. Над головами в тесной комнате стало слышно, как на площади стучат древками копий по щитам.

Ратмир подошёл к окну. Ни его людей, ни Млады на площади не было. Зато собралось почти полсотни горожан и воинов, которым приказали охранять обоз. Часть требовала выдать Неждана, часть — выгнать волчьих.

— Окно на улицу выходит? — спросил он.

— На дровяной двор, — ответила Лада. — Там есть узкий проход к мельнице.

— Любава, с нею и Устиной — туда. Гостята, бери книги.

— Все?

— Две. Какие нужны, ты знаешь.

Гостята отобрал книгу выдачи масла и список работников. Лада захватила пригоршню чистых пластинок — потом

можно будет сверить, кому не хватило имени. Неждан потянулся к спискам, но Рудомир остановил его.

— Они останутся под охраной. Если записи твои, без тебя разберём. Если чужие — тоже.

За дверью коротко свистнули. То был знак Драгуна, который Невзор учил подавать лишь тогда, когда с другой стороны улицы появился вооружённый обход. Ратмир взглянул в окно и увидел на дальнем углу Младу. Она успела спуститься с отрога через задний переулок и показывала рукой на двоих верховых, пробиравшихся к заднему двору.

— Твои? — спросил Ратмир сотника.

— Караул у меня пеший. Конных сюда не посылал.

Млада перехватила одного всадника у ворот мельницы. Тот попытался ударить конём, но не рассчитал поворота и наскочил на бочку. Драгун выстрелил в доски перед второй лошадью. Она шарахнулась, зацепила седельной сумкой воротный крюк и сорвала ремень; сумка упала на мостовую. Всадник удержался и ускакал к южной заставе. В сумке нашли семь готовых именных жетонов и приказ Рудомиру немедленно отвести сотню к мосту, которого не было на карте.

Неждан прочёл приказ и вдруг очень тихо сказал:

— Значит, всё-таки сегодня.

— Что сегодня? — спросил Рудомир.

— Они собирались уйти на юг ещё до рассвета. Я думал, сначала дадут закончить работу.

— Кто «они»?

Счётчик молчал. Рудомир велел связать ему руки за спиной, не слишком туго, и вывел через задний двор.

На мосту по-прежнему стояли четыре знамени. Рудомир снял с одного чёрную накладку с пустым кругом. Под ней обнаружился старый вышитый медведь; на другом — дуб, на третьем — белая птица. Сотник свернул накладку и положил на стол караула.

— Эти знамёна принадлежат разным людям, — сказал он Ратмиру. — Если завтра мне велят идти под всеми четырьмя, я потребую назвать, кто отдаёт приказ.

Ратмир не обещал ему, что это спасёт заставу. Его дружина была слишком мала, чтобы удержать Крутин от большого войска. Даже сам мост, на который они теперь смотрели, принадлежал тем, кто сумеет первым выставить караул утром.

К закату Рудомир разрешил вывезти из города людей, желавших вернуться к Ярову Перевозу. Троих держали за прошлые долги; их выпустили, когда Ольша пересчитала невыплаченную муку и заставила счетовода вычесть долг из жалованья самих надсмотрщиков. Четверо остались ждать родных, и ни Ратмир, ни Устина не смогли уговорить их уйти.

Лада пошла со стаей. Мать не просила её остаться: у девушки в сумке лежали две книги, за которые её могли задержать уже завтра. Гостята отдал один список сотнику, а второй завернул в промасленную кожу и спрятал у себя под по-

лой. Тихон помог погрузить на повозку женщину с обожжённой ногой и мальчика, который всё ещё называл себя Климом. Откуда он взял это имя, теперь спрашивали только при нём, чтобы услышать ответ от него самого.

Они добрались до западной сторожки уже в темноте. Там их догнал гонец из Белояра. Конь шёл тяжело, на боках проступила засохшая пена. Человек вёз две копии письма, одна была прошита красной нитью, другую хранили в зашитом чехле. Он назвал имя Гориславa и знак на нижнем краю печати. Гостята проверил оба — они совпали с образцом, который знали лишь в городе.

— Послан шесть дней назад, — сказал гонец, с трудом распрямляя ноги. — На двух конных станциях мне давали смену. Последнюю дорогу шёл без сна.

Ратмир развернул письмо. Мировета приглашала его дать показания в открытом суде над Всевладом. Не приказывала немедленно возвращаться, но сообщала, что состоятельные роды уже собирают своих свидетелей. Прилагался список мест, где держали детей и пленных. Крутина среди них не было.

— В Белояре ещё не знают, что это за город, — сказал Гостята.

Лада отложила книги и провела ногтем по названию родного села на обороте списка.

— Вчера здесь тоже не знали, — ответила она. — А сегодня на въезде висит доска, будто он сто лет стоит на этом

месте.

Ратмир отдал письмо Гостяте и позвал Младу. Они развернули на перевёрнутой крышке дорожного сундука дорожную карту. На юге за Крутином уходила новая широкая просека, по которой ночью прошли всадники. На востоке, за холмами, обозначили старое поле сборов, заброшенное после прошлой войны. По словам Рудомира, там собирали отряды трёх земель; четвёртое знамя прибыло лишь вчера.

— Можем идти за ними, — сказала Млада. — Если не брать повозки, к утру догоним конных у просеки.

— Пленных у нас нет лишних рук стеречь, — заметил Ждан. — И раненые до утра не проедут.

— Тогда отправим пятерых на разведку, — ответила она.

Невзор показал на карте речную развилку.

— Здесь перехватывать поздно. Если идут строем, услышат нас раньше. Но есть сухая гряда. По ней можно увидеть, сколько войск подняли и куда они поворачивают.

Ратмир провёл ногтем по восточному тракту, затем по западной дороге к Белояру.

— Утром двинемся к Ярову Перевозу. Сохраним книги и доставим людей. Дальше решим, кто вернётся на суд, а кто пойдёт за обозами.

— Если мост ещё будет цел, — сказал Берест.

Ратмир взглянул на его повязку.

— Ты завтра на коне не едешь. Будешь в повозке.

— Я не жалуюсь.

— Я тоже.

Когда лагерь затих, Любава села у слабого костра рядом с Тихоном. Он достал деревянную птицу и показал ей новое крыло: оно по-прежнему было толще другого. Она провела по нему пальцем и положила рядом дорожную книжку.

— В Крутине, — сказала она, — у некоторых людей было по два имени. Одно они называли шёпотом, другое — вслух. Я записала оба. Не знаю, какие им вернутся через год.

— А ты какое себе оставишь? — спросил Тихон.

Она удивлённо подняла глаза.

— Своё. Его мне ещё никто не отнял.

Далеко на юге трижды вспыхнул огонь. Невзор заметил первый сигнал, разбудил Драгуна и велел пересчитать промежутки. С гряды ответили двумя короткими факелами.

— Это не пожар, — сказал Невзор пришедшему Ратмиру. — Это войско проверяет, где стоят соседние войска.

Утром на карте Девятиземья не появилось бы ни одной новой границы. На дороге к южному полю уже двигались люди под четырьмя знамёнами, которые вчера принадлежали четырём разным владениям.

Глава седьмая. Земля под четырьмя огнями

Утром четыре знамени поднялись над одной грядой, но ни одно не двинулось вслед за другим.

Невзор лежал на мокром вереске, подложив под больное плечо скатанный плащ. Медвежьи у тракта разводили огонь над большими котлами; белокрылые снимали палатки ближе к дороге на Белояр. У горных спорили возле повозок с камнем. За низкой берёзовой полосой виднелся четвёртый лагерь, под дубовым знаком. Между ними оставались пустые полосы земли, и ни одна кухня не кормила соседей.

— Сколько? — шепнул Драгун.

— Смотри на дым, — ответил Невзор. — В первом кормят человек двести. Второй увозит кухни. Значит, пойдёт раньше остальных.

Млада подняла с земли сухой стебель и провела им четыре короткие черты на обнажившейся глине.

Невзор первым уловил запах разлитой у южного лагеря смолы. Ветром его несло снизу, вместе с конским потом и кислым дымом походной кухни. Драгун различал только запах мокрой травы. Невзор помнил, как легко прежде доверял таким чувствам: чем ближе подступала опасность, тем громче отзывалась волчья кровь. Он прижал левую руку к

груди и заставил себя смотреть на людей, а не искать глазами ближайшую жертву.

— А третьи?

— Третьи ждут плату. Или приказ. Издали не разберёшь.

Тихон сидел ниже по склону и держал повод двух коней. От сырости у него посинели пальцы. Он не жаловался: перед рассветом кони едва не заржали, и Тихон успел закрыть одному ноздри ладонью, пока всадники с восточного тракта проходили в нескольких десятках шагов.

Драгун вытащил из-за пазухи кусок хлеба. Невзор указал подбородком в сторону лагеря с белой птицей на знамени.

— Там всадник спешился, видишь? Третий у крайней палатки.

— Вижу.

— Теперь посчитай, сколько человек вышло за ним.

Драгун прищурился.

— Один.

— Двое. Один без шлема. Не прячь глаз за тем, что блестит.

Снизу донёсся резкий крик. Из лагеря с белой птицей выбежал мальчишка с пустым котлом. За ним гнался солдат. Мальчишка добежал до костров соседнего полка, и преследователь остановился как вкопанный. Между лагерями было всего сорок шагов, но чужие солдаты даже не вышли навстречу.

— Союзники, — тихо произнесла Млада.

— Пока каждый стоит у своего котла, — отозвался Невзор.

Они взяли гряду не для нападения. Ратмир оставил их здесь разведать направление движения войск и приказал к полудню вернуться к западной сторожке. Там ожидали раненные, вывезенные из Крутина, и люди с ведомостями. На разведку выдвинулись шестеро: Млада, Невзор, Тихон, Драгун и двое добровольцев. Один остался у нижней тропы с лошадьми, другой прикрывал отход чуть ближе к тракту.

Когда первый полк начал строиться, Млада увидела не оружие, а обоз. На каждую пятую телегу навесили деревянную рамку с пустым кругом. На остальных были обычные клейма: медведь, птица, дуб, ломаная гора. Возчики обрывали старые лоскутья гербовых цветов и привязывали поверх одинаковые чёрные полосы.

— Теперь понятно, зачем им общий знак, — сказала она.

— Не совсем, — ответил Невзор. — Кому-то придётся платить за чужих коней. У каждого ведь свой старшина.

С южной дороги въехал всадник в зелёном дорожном плаще. Он проскакал к палатке с белой птицей. Почти сразу оттуда выбежали двое: один нёс приказную доску, другой — коновязь с четырьмя седланными лошадьми.

На плацу появилась новая толпа. Млада видела, как старший среди воинов держит доску обеими руками, а человек с медвежьей перевязью требует отдать её ему. Они не дрались, но вокруг них образовалось пустое пространство, куда никто

не хотел входить.

— Ближе не подойдём? — спросил Тихон.

— Подойдём и узнаем, сколько стрел влезает в человека, — ответила Млада. — Нам бы их послушать.

Она повернулась к Драгуну:

— Снимай плащ. Тот с дырой на плече. С виду будешь возчиком.

— А ты?

— Куплю у тебя коня. Он всё равно мне не нравится.

Невзор посмотрел на неё долгим взглядом. Потом достал из кожаного чехла три свёрнутых ремешка.

— Если пойдёшь к дороге, держись левого водостока. Оттуда можно уйти в кустарник. Не трогай доску — за ней следят.

— И без тебя знаю.

— А я без тебя знаю, что ты всё-таки попробуешь.

Они спустились на полсотни шагов и остановились возле заросшего рва. К обозу подходила телега с хворостом. Возчик ругался на колесо, которое провалилось в колею, а солдат с длинным лицом лениво указывал, куда надо повернуть. Млада выждала, пока спор перешёл на цену хвороста, и направилась к ним с пустым мешком на плече. Драгун шёл следом, стараясь выглядеть сонным.

— Где дают подковать лошадь? — спросила Млада.

— Где деньги есть, — ответил солдат, не повернув головы.

— Деньги остались на Яровом Перевозе. Там теперь мост

чинят за чужой счёт.

Солдат повернулся.

— На Перевозе?

— А что, здесь ещё не слыхали? У них половина верхней галереи лежит в воде.

Солдат свистнул другому, сидевшему у сена.

— Слышишь, Микша? Значит, правду говорят: колёса туда пока не пройдут.

— Так нас и посылают пешими, — проворчал тот. — К полю Трёх Колосьев, оттуда к северным житницам. За мост пусть птицы воюют.

— Я думала, вы и есть птицы, — сказала Млада, кивнув на белое знамя.

Микша плюнул в сторону лагеря.

— Мы из-за Мшарска пришли. Птица — у северного старшины. Нашему велели пришить их тряпку, будто она нас всех кормит. Попробуй снять — жалованья не увидишь.

С другой стороны рва кто-то закричал, чтобы все проходящие предъявляли дорожные бирки. Драгун стиснул мешок. Млада не повернулась к крику.

— Значит, на поле хлеба много?

— Было, — ответил Микша. — Пока не велели собрать всё в три амбара и сжечь, если другие придут первыми.

Солдат с длинным лицом ткнул его кулаком в бок.

— Язык прикуси.

Млада не стала вытягивать дальше. Она выругалась на

стоимость подков, потянула Драгуна за рукав и вернулась к рву. Через несколько минут оба уже ползли вверх по склону, оставляя на вереске тёмные полосы.

— Слышал? — спросила она Невзора.

— Последнее. Про амбары. Остальное расскажешь на ходу.

Тихон указал на плац. Доска исчезла; её увезли за телегой с пустыми кругами. Теперь у палатки спорили не четверо, а шестеро командиров. Один сорвал с древка полотнище с белой птицей и бросил его под ноги. Древко поставили обратно, уже без знамени.

— Пора, — сказал Невзор.

Они отошли тем же путём, которым пришли. Драгун дважды оглянулся на лагерь. На гряде остался молодой доброволец с конями, который видел, как их разглядывал патруль внизу, но успел переставить животных за склон. Когда остальные добрались до него, он протянул Младе мокрую узду.

— Едут сюда шестеро, — сказал он.

— Кто?

— С медведем на рукавах. Ведут обозного, связанного за локти.

Вниз уже можно было спускаться не прячась: шесть всадников шли по дороге, не охотились за разведчиками. Но связанный человек упал с седла, когда его конь оступился на камне. Двое сопровождающих прошли мимо. Третий оста-

новился, ударил пленника носком сапога и приказал подняться.

Тихон положил руку на рукоять ножа. Млада схватила его за предплечье.

— Они нас видят, — сказала она. — И коней наших. Дёрнешься — не выйдет никто.

— Он не встанет.

Млада посмотрела вниз. Пленник поднялся на колени и не смог распрямить ногу. Всадник снова замахнулся, но подъехал старший и удержал его за локоть. Один из сопровождающих бросил пленнику верёвку, чтобы тот опёрся.

— За что его? — спросил Драгун.

— Не знаю, — ответил Невзор. — И не узнаем, пока его везут.

Тихон медленно убрал руку от ножа. Когда колонна прошла, он спустился к следам и подобрал с дороги обрывок кожи, который остался там, где человек упал. На нём была синяя краска и половина изображения медведя.

— Знамя? — спросила Млада.

— Ремень от щита, — сказал Невзор. — Не знаем его вины, зато знаем, из какого полка. Сохрани.

К полудню разведчики вернулись к сторожке. Ратмир встретил их над картой, расстеленной на мешках с мукой. У самого входа Ждан перевязывал руку Береста. Кровь вновь проступила сквозь ткань; тот стиснул зубы и молчал, пока лекарь затягивал узел.

Млада назвала поле Трёх Колосьев. Ольша, сидевшая возле весов, сразу подняла голову.

— Если они сожгут там запасы, Перевозу нечем будет платить строителям. Половину хлеба обещали прислать оттуда.

— На юг гонят не одно войско, — добавил Невзор. — Четыре отдельных полка. Одни ждут платы, вторые собираются идти к полю, третьи думают, кто поставит караул на мосту. У них пока одна нашивка, а не одна воля.

— Сколько времени? — спросил Ратмир.

— Пешие выйдут завтра. К полю дойдут за день, если не задержатся в распутице.

Ратмир свернул карту.

— Мы не обгоним пеших с ранеными. Повозки уходят к Перевозу сейчас. Я с Младой и Невзором попробую предупредить людей на поле.

— А книги? — спросила Лада.

— Идут на запад. В Белояре их ждут.

Гостята пересчитал связки и закрыл сундук. Любава накрыла плащом мальчика Клима, заснувшего на соседней повозке. Устина уже вырезала на бересте имена тех, кто хотел вернуться домой, чтобы не сверять их при каждом привале с чужими дорожными списками.

— Мне нужно доехать с ними, — сказала она. — В суде я скажу, откуда брались записи. Но на Перевозе они сначала должны получить хлеб.

— И я с тобой, — сказала Лада.

— Если уедешь, бумаги в Крутине перепишут, — напомнил Гостята.

— Их уже переписали. Вот что у меня осталось от подлинных.

Ратмир кивнул. Гостята, Ждан, Ольша и Берест сопровождали людей и документы к Ярову Перевозу, после чего должны были выбрать сопровождающих до Белояра. Бажена везли под охраной; допрос о пропавших людях и его прежних распоряжениях ещё предстоял. С Ратмиром остались Млада, Невзор, Тихон и Драгун. С ними пошли двое добровольцев из тех, кто ещё мог держать оружие и не отвечал за раненых.

Берест ехал рядом с Жданом, придерживая правую руку в перевязи. У первого поворота мальчишки загоготали, глядя на сорвавшуюся с цепи собаку. Берест резко повернул голову, будто мог узнать в их смехе голос Савелия. Потом поправил ремень и молча погнал коня. Ждан заметил движение, но спрашивать не стал.

Когда повозки отъехали, на дороге повисла взбитая копытами водяная взвесь. Ратмир подождал, пока последняя телега скроется за ельником.

— На поле не ждём битвы, — сказал он. — Сперва найдём хозяев амбаров и узнаем, что им известно.

— А если там уже стоят южные? — спросила Млада.

— Тогда узнаем раньше, чем они войдут внутрь.

* * *

В Белояре из девяти кресел заняли пока три. На одном нашли новую нашивку с княжеским соколом: кто-то ночью примерял на себя старую власть.

Яромил принёс Гориславу два противоречивых приказа о карауле — один от княжеской стражи, другой от северян. Оба прислали с восточного тракта. Воевода распорядился не менять людей у дверей: слишком многие ждали, когда две охраны сцепятся из-за одной бумаги.

Когда вошли прибывшие посланцы земель, Мировета велела отложить приказы. Сначала следовало услышать, что случилось у них дома.

Пахом, хозяин трёх речных переправ, принёс мерную цепь, которую военные сняли с берега, переставляя межевой столб. Его выбрали старосты дворов, чьи семьи жили по обе стороны воды.

— Если вы перенесёте границу на бумаге, кто вернёт людей из-за неё? — спросил он. Мировета предоставила ему четвёртое место.

Следом пришла Рада с северной межи. Она высыпала на стол семена с разорённого двора брата. В книге этот двор никогда не существовал. Два старосты подтвердили её право говорить за деревни; пятое место заняли до полудня.

Добромир возражал, что у обоих нет правильной княжеской печати. Рада собрала семена обратно в мешок и сказала, что на её земле и без печати знали, когда сеять. Боярин промолчал.

Всевлада привели под вечер. По дороге один человек попытался сорвать с него плащ, и стражник заслонил бывшего князя щитом.

— Пока вы выбираете судей, у южного тракта уже новые хозяева, — сказал Всевлад, взглянув на пять занятых кресел.

Он подтвердил приказ об отравленном пире. Другого, по которому уводили детей с востока, не признал. Назвал двор Долгуши, где люди годами получали чистые княжеские бланки. Добромир поднялся, требуя свидетелей в свою защиту, но из-за перегородки раздался крик о казни, и Горислав приказал отвести князя от окна.

Лисава показала Всевладу запись о жалованье казначея на следующий день после объявленной гибели. Князь назвал дворцового распорядителя, привёзшего ему известие о смерти: тот давно ушёл на восток с частью казны.

Вечером пятеро представителей договорились защищать свидетелей и искать распорядителя. К вынесению приговора так и не перешли: оставшиеся земли не прислали своих людей, а Ратмир ещё был в поле. Рада уходила ночью — к её деревням приближалась сотня сборщиков из Крутина.

Когда Рада ушла, Мировета велела принести карты: на старой девять земель ещё были единым целым, на новой четыре дороги уже перекрыли люди с пустым кругом.

Глава восьмая. Три колоса

Наутро дружина Ратмира вышла к полю Трёх Колосьев. На западе небо стояло низким, тяжёлым от дождя. На юге за грядой тянулась полоса дыма.

Три амбара поставили по краям большого гумна, где летом сушили рожь. Два были из сосновых брёвен, третий — каменный, с толстой соломенной крышей. Между ними бегали люди с вилами и мешками. Когда Ратмир подъехал, один из хозяев ударил палкой по воротам, требуя закрыть их раньше, чем появятся чужие воины.

— Здесь кто старший? — спросил Ратмир.

— У кого хлеб, тот и старший, — ответил седой мужчина в сером кафтане. — Если приехал брать, становись в очередь. Перед тобой уже трое.

— Я приехал предупредить.

Мужчина пригляделся к плащу Ратмира и к повязке на руке Невзора, который держался поодаль.

— Про волчьих слыхал. Меня зовут Арсений. Половина хлеба моя, половина — трёх деревень. Одну долю обещали Перевозу в плату за мост. За другой пришёл отряд из Мшарска. Третью называют княжеской, хотя князь в Белояре под стражей.

— Сколько у вас людей?

— Работников двадцать. С железом — четверо, остальные — с вилами.

ные с лопатами. Деду моему уже семьдесят, а он считает себя пятым.

Седой показал на низкого старика у весов. Тот всё ещё просыпал зерно через решето, будто вокруг не происходило ничего особенного.

Млада обошла гумно и вернулась с дурными вестями. У восточной межи виднелись следы конных. Не меньше двух десятков, а рядом — борозды от узких полозьев. Невзор, проверив отпечатки, указал на сухой ручей.

— Их колёса пройдут здесь. Когда выберутся к гумну, амбары будут стоять прямо у них перед носом.

— Будем держать ручей? — спросил Драгун.

— Нет, — ответил Ратмир. — Пока они ещё не здесь, хлеб нужно вывести.

Арсений покачал головой.

— Коней всего шесть. Три телеги уже забиты, четвёртая без колеса. Мы собирали этот хлеб после дождей месяц. До вечера не управимся.

Ратмир посмотрел на край поля. Там, где рос высокий овёс, ещё не срезанный на корм, земля была мягче. Если пустить телеги по нему, колёса вязли, но дорога уходила в деревню в стороне от конного тракта.

— Будем вытаскивать мешки туда, — сказал он. — Две телеги на запад, одну с людьми через рощу. Всё, что нельзя увезти, перенесите в каменный амбар. Крыша загорится, стены останутся.

— И как держать двери? — спросил Арсений.

— Не держать. Заделать нижние щели, оставить проход для людей с задней стороны. Если полезут, мы должны видеть, сколько их.

Млада остановила его у каменной кладки.

— Они могут не лезть. Если у них приказ сжечь, не станут вступать в спор.

— Тогда отведём их от хлеба.

Она молча взяла два пустых мешка и отправилась к северной борозде. Тихон пошёл следом, прихватив лом с деревянной ручкой. Через четверть часа там уже появился ложный след: потемневшая от грязи трава, нарочно вдавленные колёса, несколько просыпанных зёрен и сломанный хомут, который Арсений собирался выбросить.

Драгун остался у крайнего амбара с луком. Невзор сел за низким забором и велел стрелку дважды провести тетивой по пальцам без выстрела.

— До дальнего валуна сколько?

— Сорок шагов.

— Дальше. Пятьдесят с лишним. Дождь в лицо. Цельсь ниже, чем вчера.

— Ты сам бы попал.

— Моё плечо не спросишь. Твоё ещё послушается.

К полудню две телеги ушли под деревья. На третьей сидели дети и женщина со сломанной лодыжкой: она упала с лестницы, когда снимала с чердака зерно. Остальные, вклю-

чая старика у весов, носили мешки к каменной стене. Арсений зачеркнул на доске третью колонку телег: столько подвод не было. Он перестал ругаться и принялся отмечать мелом, сколько мешков осталось внутри.

Первым появился не отряд, а посыльный.

Он ехал на усталом рыжем коне и держал над головой белый лоскут, привязанный к копью. Подъехав к гумну, объявил, что по воле командиров четырёх земель зерно нужно сдать в общий обоз. В случае отказа склады будут лишены охранного знака и станут военной добычей.

— По чьей воле? — спросил Арсений.

— Четырёх командиров.

— Имена у них есть?

Посыльный протянул деревянную пластинку с пустым кругом. На обратной стороне стояли четыре зарубки; имён не было. Млада даже не взяла её.

— Передай командирам, что здесь люди и запас на зиму. Мы не уходим в чужое войско и не сдаём хлеб на слово.

— Слова не мои, — отозвался посыльный. — Я велел бы вам послушаться. К вечеру сюда подойдут всадники.

— Кто их ведёт? — спросил Ратмир.

— Лютобор, сотник медвежьего полка.

— Он сам подпись поставил?

— Я видел, как ему передали приказ. Больше не знаю.

Ратмир отдал пластинку обратно. Посыльный оглядел склады и задержался взглядом на мокром хомуте у борозды.

Потом развернулся. Он заметил, что с гумна уводят телеги, проводил их взглядом и ничего не сказал.

Всадники пришли не к вечеру, а прежде, чем Арсений успел стереть последний подсчёт.

Их было восемнадцать, за ними шла телега с бочками. Во главе ехал широкоплечий мужчина с медвежьим знаком на наплечнике. Ратмир узнал тот же герб, который Тихон поднял с дороги возле пленника.

Сотник Лютобор не кричал. Он поставил коня на обочине, осмотрел гумно и приказал подчинённым проверить северный след.

— Мешки увели? — спросил он Арсения.

— Своим оставили, — ответил хозяин.

— Поле должно кормить войско. Мне сказали, что за вашим хлебом идут люди с юга. Не оставлю им ни меры.

— А своим оставишь?

— Моим не хватит, если они придут.

Невзор, сидевший за забором, увидел, как двое воинов сняли с телеги луки, а третий начал раскупоривать бочку. Млада уже шла к Ратмиру. Ни один из них не успел договорить.

Человек у бочки сорвал пробку, намочил соломенный пучок и забросил его в пустой деревянный амбар. Вспыхнула крыша, высушенная изнутри дымом. Арсений с кулаками кинулся к нему и получил удар древком копья в грудь. Упал, хватая воздух.

— Не к крышам! — крикнул Ратмир. — Людей отводите!

Драгун выстрелил в первого лучника. Стрела прошла выше плеча и вонзилась в амбарную дверь. Второй всадник натянул тетиву; по крику Невзора Драгун успел нырнуть за забор, и ответная стрела задела его шапку.

Тихон и один из добровольцев подняли раненого Арсения и потащили за каменную стену. Млада встретила первого конного у прохода между амбарами. Лошадь была слишком испугана огнём, чтобы выполнить приказ всадника: она шарахнулась, задела бочку, всадник вылетел из седла. Млада ударила его плоской стороной клинка по шлему и отшвырнула оружие за стену.

Один из людей Лютобора успел добежать до второго деревянного амбара. Он уже держал горящий пучок, когда старик у весов ударил его решетом по лицу. Солдат оттолкнул старика, пучок упал на мокрую землю и погас. Старик откатился к мешкам, прижав ладонь к виску, где по морщинам текла кровь.

Лютобор поднял щит, защищаясь от стрелы Драгуна, и впервые заметил Ратмира в полном росте.

— Волчий? — спросил он.

— Отойди от склада.

— Это хлеб для армии.

— Здесь дети. Твои люди уже жгут пустой амбар.

— Я велел сжечь то, что не успеем забрать, — сказал Лютобор. Он посмотрел на горящие крыши. — Не думал, что

начнут, пока люди внутри.

— Они начали по твоему слову. Теперь останавливай.

Лютобор взглянул на телегу с бочками. Огонь к тому времени перекинулся на сухие брёвна; горящие обломки падали между гумнами. Видно было, что ещё немного — загорится второй склад.

— Воду сюда! — крикнул сотник.

Двое его людей не послушались. Они подбежали к полю, где оставались последняя телега и трое работников. Один всадник обнажил короткий меч, второй попытался перерезать упряжь. Млада бросилась наперерез, но не поспела. Тихон оттолкнул работницу от конского копыта и получил удар по плечу. Он устоял, схватился за ремень седла и потянул противника вниз. Лошадь рванулась, обе фигуры исчезли за телегой.

Ратмир мог обратиться. Он уже почувствовал знакомое давление в костях и привкус меди на языке. Но под телегой лежал Тихон, и рядом металась испуганная лошадь. В зверином облике Ратмир едва ли сумел бы пройти туда, не раздавив обоих.

Он бросил меч в грязь и навалился на телегу плечом. Колесо повернулось на ладонь; этого хватило, чтобы Тихон выкатился из-под оси. Сотник Лютобор в это время ударил одного из своих воинов по руке, не позволив тому поджечь упряжь.

— Назад! — заревел он. — Я приказывал брать зерно, не

резать возчиков!

Схватка кончилась не сразу. Один из подчинённых Лютобора хотел добить пленного, другой пытался увести лошадь с седоком. На гумне оставались два тяжело раненых бойца, один работник умер под обвалившейся балкой, когда пытался вытащить мешок, и ещё трое не могли идти без помощи.

Лютобор спешился и подошёл к Ратмиру. По лицу у него тянулась тёмная полоса сажи.

— Южные идут за этим запасом. Мне приказали взять зерно, а чего не вывезем — сжечь, чтобы не досталось им. Я согласился. У моего полка пайка на два дня.

— Кто передал?

— Посыльный с общим знаком. Приказ пришёл в мой лагерь не через моего старшину.

Ратмир поднял со стола зерновую доску Арсения, на которой мелом было выведено количество мешков.

— Посмотри. Это всё, что у них есть. Мы успели увезти две телеги. Остальное здесь. Войско заберёт — деревни зимой останутся с пустыми руками.

Лютобор долго смотрел на доску. Затем позвал старшего обозника.

— Бочки с маслом вези обратно. Пустую наполни водой и оставь здесь с людьми. Ни одного мешка не брать без согласия хозяев. И собирай раненых.

— Откуда им теперь подписывать? — хрипло сказал Арсений. — Я половины работников не найду.

— Сколько можешь назвать — столько записывай, — ответил Лютобор. — Остальных я увижу на дороге.

Ратмир не поверил этому обещанию. Он велел двум добровольцам отвести детей в деревню и послал Драгуна за врачом, если такой остался у ближайшей церкви. Невзор помог перевязать Тихону плечо одной рукой, прижимая ткань коленом. Ранение было ушибом и рассечением кожи, а не пробитой костью; Тихон всё равно плохо поднимал руку.

К вечеру в первом амбаре остались угли. Каменный уцелел, второй деревянный обгорел с края. Погибшего работника вынесли на чистую доску и поставили возле решета старика. Его звали Игнат, и у него осталось двое детей. Арсений записал это внизу доски с мешками, потому что другой чистой поверхности под рукой не было.

Лютобор выстроил своих людей у дороги. Они уходили без хлеба; двоих везли поперёк сёдел. На гумне сотник оставил бочку воды и двух солдат с лопатами. Млада следила, чтобы они разбирали тлеющие балки, а не носили зерно к своим лошадям.

Перед уходом Лютобор снял с наплечника медвежий знак и показал Ратмиру пришитый под ним чёрный круг.

— Утром нам обещали единого старшину. К ночи выяснилось, что никто не знает его имени. Если встретишь того, кто подписывает эти приказы, передай: мой полк назад не повернёт, но и хлеба за него жечь больше не станет.

— Передай сам, — сказал Ратмир. — Ты ближе.

Сотник усмехнулся без веселья, сел на коня и уехал.

В сумерках к гумну подъехал мальчишка из соседней деревни. Он привёз новость: по большой дороге уже идут другие конные, на этот раз под белой птицей. Они требуют, чтобы хозяева всех хлебных дворов к утру явились на сбор и предъявили записи о собственности.

Арсений прикрыл доску мешковиной, чтобы дождь не размыл имена, и повёл Ратмира к каменному амбару. Там, за мешками, оставалось зерно, которое уже некуда было спрятать.

— Будете уходить? — спросил он.

— Я послал людей за обозом, — ответил Ратмир. — Утром решим, что можно вывезти.

— Утром они придут с новыми грамотами.

— Тогда до утра собираем ещё телеги.

Млада принесла из темноты обломок выгоревшей доски. На ней сохранились три вырезанных колоса — старый знак гумна. Она положила его возле испорченного приказа, брошенного посыльным на дороге.

Глава девятая. Чернила на ладони

На пятый день пути из Ярового Перевоза у Лады кончилась бумага для черновиков. Последние две ночи она переписывала имена с деревянных пластинок на обороты старых дорожных грамот. К утру на пальцах осталось столько чернил, что руки казались чужими.

— Не стирай, — сказала Любава, когда девушка села возле колодца. — Так хотя бы видно, чем ты занималась.

— В Белояре на это смотрят иначе. Писец с грязными руками считается нерадивым.

— Тогда в Белояре мало писцов, которые работали всю дорогу.

Любава развернула свой список. На одной странице были записаны имена людей, желавших вернуться из Крутина к семьям. На соседней — тех, кто остался ждать вывезенных дальше на юг. Она хранила страницы отдельно от документов Лады: если их отберут на заставе, хотя бы часть сведений уцелеет в другой сумке.

Гостята пересчитал восковые печати. Две книги лежали в промасленной коже на дне ящика, третью, куда он заносил собственные наблюдения, держал при себе. На Яровом Перевозе они оставили Ждана: у моста появились раненые после недавней схватки, и он не хотел бросать людей на руках одного деревенского знахаря. Берест остался помогать Севе-

рьяну удерживать нижние ворота, пока затягивалось предплечье. Ольша взяла на себя приём муки и учёт ремонта галереи. Бажена оставили у Северьяна под охраной до совместного допроса со свидетелями; о судьбе его сына новых сведений не было. Клим остался с людьми, привезёнными из Крутина. Если бы все они поехали в Белояр, Перевоз встретил бы следующий обоз без подготовленных людей.

С Гостятой дальше отправились Любава, Устина, Лада и двое добровольцев. Они вели одну небольшую повозку и меняли лошадь дважды на постоялых дворах, расплачиваясь мукой и железными скобами, а не княжескими грамотами. На второй день их задержал караул, который проверял, есть ли у свидетелей право пересекать границы без нового городского знака. Устина назвала три деревни, где раньше жила с дочерью, и солдат оставил их в покое: ни одной из этих деревень не было на его свежей карте.

Белояр появился за сырой грядой на исходе пятого дня. Над городом стоял дым печей. На башне, которая прежде держала княжеский стяг, висела широкая белая полоса без герба. Гостята указал на полосу знакомому воину из сотни Горислава, стоявшему у ворот.

— Чтобы не тащили старые знамёна в зал, — ответил стражник. — Одни требуют вернуть сокола, другие зовут девять новых князей. А у нас пока судей всего пять.

Он узнал Гостяту и повёл людей через торговую улицу. Здесь всё ещё пахло сгоревшими складами, но лавки откры-

лись. Перед хлебными рядами спорили два купца: один хотел платить пошлину в Белояре, другой предъявлял грамоту о том, что его товар отныне должен идти через Крутин. Оба документа были отпечатаны на хорошей бумаге.

— Этот город уже стал настоящим, — тихо сказала Лада.

Устина ответила не сразу.

— Настоящим городом станет, если однажды перестанут спрашивать, куда увели его людей.

Лисава встретила прибывших во дворе суда. Устина, Лада и Любава привезли имена тех, кому после переселения выдали новые имена, и два несходных списка живых. Мировета прежде всего спросила, где Ратмир.

— У южных хлебных полей. Четыре войска ищут дорогу к амбарам, — сказал Гостята.

Устина смогла подтвердить двадцать одного человека, которых видела при отправке. О гибели одного из них она узнала лишь со слов лодочника. Добромир хотел объявить её показания негодными, но Лисава уже отделила этот слух от увиденного.

— Я не прошу верить тому, чего сама не видела, — сказала Устина. — Я хочу, чтобы нашли тех, кого записали прибывшими, хотя на месте их нет.

Лада протянула угольный след строки о масле перед пожаром Крутина. Она видела конюха Неждана с кувшином, но не видела поджигателя. Новым было другое: список на переселение двадцати шести семей заготовили ещё до пожара.

Под дверью судебной комнаты стояли возчики из Крутина. Одного уже лишили дома за отказ назвать новое имя жены, второй боялся возвращаться к детям без хлеба. Когда Лада назвала число семей в готовом списке, они переглянулись: столько дворов не сгорело даже в страшную ночь пожара. Кто-то заранее назначил их переселенцами и теперь искал только повод вывезти.

На найденных в Крутине жетонах стояли будущие даты выдачи и отметки о людях, которых пока не привели. Некоторые «свидетели» уже получили право набирать воинов: двое не умели писать, один был ребёнком, а четвёртый отказался подтверждать выдачу.

— Кто распоряжался готовыми именами? — спросила Мировета.

— Неждан. За новой партией приезжали с южной дороги. Лиц не видела, — ответила Лада.

Добромир начал привычное возражение о ненадёжности чужих рассказов, но Гостята назвал имена четырёх людей, которых можно разыскать живыми. Лисава уже передала их описание Яромилу. Это были не спорные завитушки на воске: по чужой записи люди успели получить оружие и власть над обозами.

На площади поднялся шум. Пришедший с востока копейщик требовал признать временного наследника, не называя его имени. На бирке у пояса стояла та же зарубка, что на крутинских пластинках. Пахом вывел его к представителям.

— Назови, кто послал, — сказала Мировета.

— Четвёртое знамя. К полю Трёх Колосьев уже движутся полки, — ответил копейщик. Он сам не знал будущего князя.

Гостята поднялся, ещё не дослушав: на том поле оставались Ратмир и Млада. До вечера из Белояра отправили верхового к южным заставам, а на доске пропавших прибавились ещё четыре имени — те, что чужая власть уже назначила своими свидетелями.

* * *

К пятому утру после пожара на Трёх Колосьях поле перестало пахнуть зерном. Дым давно ушёл, а мокрая зола всё ещё стояла в горле. Из каменного амбара выносили мешки и складывали их на землю под навесом. Деревянный амбар, сгоревший первым, разобрали до обугленных столбов: иначе при ветре его остатки могли обрушиться на работников.

Арсений передвигался между весами и телегами с мерной палкой. Сначала он записывал вес, потом называл деревню, потом велел ставить мешок отдельно. Когда люди торопились, он делал всё медленнее.

— Ты им не доверяешь? — спросил Ратмир.

— Весам доверяю. Людям нельзя доверить вес, когда они три дня не ели.

У Арсения под глазом темнел синяк, оставленный солдатом Лютобора. На правой ладони отсутствовал мизинец. Он потерял его не в бою: двадцать лет назад попал рукой между

жерновами. Теперь тем же отсутствующим пальцем словно указывал на каждую недостающую меру.

Ратмир нашёл у каменного амбара Тихона. Тот пытался поднять мешок на повреждённое плечо и сердился на собственную руку.

— На другое, — сказал Ратмир.

— Там тоже болит.

— Тогда попроси Драгуна.

— Он охраняет склон.

— Значит, меня.

Тихон отвернулся, но мешок отдал. Ночью порез на плече вновь разошёлся; повязка теперь держалась крепко, однако поднимать тяжёлое ему было рано. Млада уже дважды обрывала его на погрузке, и теперь он старался работать подальше от неё.

По дороге от южной гряды шли люди с белой птицей на щитах. Не ровным строем: впереди трое всадников, позади две телеги и около двадцати пеших. Млада стояла у подножия холма рядом с Невзором. Тот не брал лук. Он держал короткую палку, которой отмечал на земле расстояния между деревьями.

— Не менее двух сотен шагов до западной канавы, — сказал он. — Если начнут стрелять, телеги уйдут в низину. Пехота останется на сухом.

— Их командир хочет говорить, — ответила Млада.

— Тогда почему кони не рассёдланы?

Человек с белой птицей на плаще остановился у обгорелой ограды. Ему было чуть за сорок. У седла висел маленький топор для колки дров, а не парадный меч. Он назвался Домославом, приказчиком Белокрылого полка.

— Нам сказали, здесь осталось зерно, — начал он.

— Осталось, — ответил Арсений, не дожидаясь Ратмира. — Для восьми деревень. Две уже получили по половине своей доли.

Домослав оглядел весы.

— Войску хлеб тоже нужен.

— Войску нужны люди, которые следующий год засеют поле, — сказал Арсений. — Тех, что спят в земле, у меня уже трое.

Ратмир не вмешивался. Домослав посмотрел на него и узнал: взгляд на секунду задержался на шраме под нижней губой.

— Сивый. Думал, тебя давно судят вместе с князем.

— Пока не начали. Что тебе приказано?

Приказчик вытащил из сумки грамоту. Ратмир не взял её в руки — попросил раскрыть и прочесть вслух. В бумаге предписывалось изъять половину оставшегося зерна для походных печей «до прибытия законного правопреемника». Ни имени правопреемника, ни указания, кто подтвердил законность, не было. Подпись Домослав знал, печать — нет.

— Приказ из нашего лагеря, — сказал он. — Я отвечаю перед своими людьми за котлы.

Млада присела, взяла горсть сырой земли и растёрла между пальцами.

— Сколько твои люди не получали хлеба?

— Вторые сутки варят овёс для коней и едят его сами.

— А сколько осталось в твоих телегах?

Домослав промолчал.

— Одной хватит на два дня, — заметил Невзор с холма. — Вторая пустая. Сверху привязана новая попона, чтобы не видно было досок.

Домослав поднял голову. Невзор не ухмыльнулся, не добавил ничего.

— Три меры на каждого твоего раненого, — сказал Арсений. — Остальное не отдам.

— Сумеешь отказать моему воеводе?

— Отказываю тебе. До воеводы ещё надо доехать.

Полчаса спорили о мерах. Ратмир предложил взять из уцелевшего запаса не зерно, а муку, которую можно было получить из деревенских мельниц по распискам. Арсений разозлился: мельницы ещё не начали работать после пожара, а расписок у него было столько, что ими можно обклеить стены сгоревшего амбара. Тогда Млада предложила другое: Домослав оставляет шесть бойцов чинить навесы и доставляет в каменный амбар солому с южных дворов; взамен его раненые получают хлеб прямо сегодня. Приказчик согласился после долгого молчания.

— А с воеводой что скажу?

— Что тебе дали хлеба, — ответил Ратмир. — Если спросит, почему не больше, покажи руки своих шестерых.

Когда отряд с белой птицей ушёл, Драгун спустился с гряды с донесением. У самого ручья обнаружили следы двух групп конницы. Одни шли на север, другие пересекли их путь ночью. В низине валялся кусок кожаного снаряжения с медвежьим знаком — таким, как у Лютобора.

— Кровь есть? — спросила Млада.

— На траве. Не пойму чья.

— Не надо угадывать. Пойдём посмотрим.

Они взяли с собой двоих добровольцев. Тихон остался у амбаров: раненое плечо и полевые работы делали его бесполезным для погони, как ни неприятно было это признавать. Невзор пошёл с разведчиками, потому что след мог прочесть лучше любого из них, но каждый крутой подъём заставлял его придерживать левую руку у груди.

У ручья они нашли не побоище, а разбитую упряжь и лежавшую на боку повозку. Под кузовом был прижат подросток в чужой куртке. Он дышал, но голова его вся была в крови. Рядом лежали две порванные путы и маленький дорожный сундук без крышки. На влажном песке отпечатались следы подков, идущие в разные стороны.

— Кто тебя привязал? — спросила Млада, когда мальчик смог говорить.

— Не привязал. Я держался за кузов.

— Зачем?

— Мать везли. Меня не пустили с ней в телегу.

Мальчика звали Мирон, он был из деревни за Крутином. Мать назначили «работницей дорожного счёта». Два дня назад их обоз попал между двумя военными дозорами: каждый потребовал предъявить свою грамоту на переселение. Пока спорили, один десятник ударил другого прикладом, кони рванули, люди разбежались по оврагу. Мать Мирон потерял из виду.

Млада перевязала ему голову, не обещая найти женщину. Из сундука взяли горсть размокших бумаг. На одном листе были не имена, а перечень: девять тёрок для соли, шесть весов, два мешка с пустыми деревянными табличками, двадцать четыре одинаковых полковых знака.

— Это не перевозка людей, — сказал Драгун. — Это перевозка канцелярии.

— Люди где-то рядом с ней, — ответила Млада.

Невзор показал на следы. Две конные группы пересеклись в тесном месте, где ручей сходился с оврагом. Один отряд прошёл по берегу, второй сначала повернул назад, потом ушёл к восточному перелеску. Сундук, вероятно, выбросили при развороте: на крышке остались свежие вмятины от копыт.

— Сколько их? — спросил Ратмир.

— Столько, что два десятника решили драться из-за чужих бумаг, но ни один не захотел забирать раненого мальчишку. Больше след не скажет.

К сумеркам они вернулись на поле. Арсений отправил Мирона в дом к сестре погибшего Игната — там лежала чистая простыня и топили печь. На пороге сестра Игната спросила, сколько человек убито сегодня. Млада назвала одного раненого и ответила, что мёртвых не нашли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.